

54329/к

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УНІЯ

Б 54329/к

НА СЕЙМАХЪ ДО 1569 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. В. Довнаръ-Запольскаго.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля,

пржеми. Э. ЛИСНЕРА и Ю. РОМАНА.

Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

1897.

54329/к

54329/к

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УНІЯ

НА СЕЙМАХЪ ДО 1569 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. В. Довнаръ-Запольскаго.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля,
прями- Э. ЛИСНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

1897.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ

НА СЛѢДСТВІИ ДО 1888 ГОДА

(Изъ второго тома Трудовъ Славянской Комисіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.)

СЛАВЯНСКАЯ КОМИССИЯ

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Предсѣдатель Графиня Уварова.

Императорское Московское Археологическое Общество
1888

Польско-литовская унія на сеймахъ до 1569 г.

Историческій очеркъ.

Вопросъ о польско-литовскихъ отношеніяхъ въ послѣднее время усиленно трактуется въ польской исторической литературѣ. Пока подвергалась довольно обстоятельному изслѣдованію унія Литвы и Польши въ древнѣйшее время, до Казимира Ягеллончика. Лучшимъ знатокомъ этихъ отношеній является проф. Левицкій, посвятившій имъ нѣсколько прекрасно выполненныхъ работъ, въ которыхъ при громадной эрудиціи обращаетъ на себя вниманіе свѣжесть данныхъ и свѣжесть изложенія¹⁾. Извѣстный ученый Ант. Прохаска тоже высказался по интересующему насъ вопросу въ статьѣ, посвященной Брестской унії и въ рецензій на одну изъ работъ г. Левицкаго²⁾. Но при богатствѣ эрудиціи обоихъ авторовъ трудно, однако, согласиться съ ихъ конечными выводами. Трудно понять тѣ „блага“, которыя могла принести древнѣйшая унія для Литвы, именно блага культурныя. Польскіе ученые придаютъ большое значеніе внѣшней обстановкѣ унії: нельзя же думать, что полученіе литовцами и русскими польскихъ гербовъ вносило какія-нибудь существенныя улучшения въ отношенія народовъ. Привилегіи прекрасно расписывали права шляхты, но это были лишь дипломатическіе акты, не вносившіе новой струи во внутреннюю жизнь Литвы и Литовской Руси. На шляхетскую вольность, умственное и экономическое развитіе Литовско-Русскаго государства вліяли не привилегіи 1401 или 1413 и др. годовъ, которыя остались мертвою буквою, а совмѣстная жизнь съ поляками втеченіе многихъ лѣтъ. Этимъ привилегіямъ напрасно г. Прохаска придаетъ значеніе какихъ-то свѣточей культуры для Литвы и Руси. Литовско-Русское государство продолжало развиваться на старыхъ русскихъ началахъ, медленно заимствуя у Польши то тѣ, то другіе порядки — и притомъ не всегда изъ лучшихъ. Почти полтора столѣтія истрачено было поляками на то, чтобы въ государственномъ смыслѣ осуществить унію, задуманную въ 1385 г., и осуществить эту идею пришлось имъ среди воплей и проклятій значительной

¹⁾ Ant. Lewicki, Powstanie Swidrigieffy. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Krak. 1892. Его же: Nieco o unii Litwy z Koroną. Krak. 1893.

Его же статья въ *Altpreuss. Monatschrift*, В. XXXI, Н. 1 и 2, 1894 г.

²⁾ Z dziejów unii Brzeskiej. *Kwart. histor.*, 1896, III. Ср. его рецензій, *ibidem*, т. II.

части западно-русского общества. Но и унія 1569 г. не была той идеальной уніей, проекты которой въ такомъ обиліи составлялись польскими политиками. Должно было пройти еще по крайней мѣрѣ три четверти вѣка, когда поляки, наконецъ, могли чувствовать себя въ Литвѣ и сѣв.-западной Руси, какъ у себя дома. Но это уже было время агоніи обоихъ государствъ.

Прослѣдить борьбу политической идеи, возникшей такъ рано, при такихъ, казалось, благопріятныхъ условіяхъ, — представляетъ глубокой исторической интересъ. Мы не можемъ слѣдить за ней подробно; наша цѣль — набросать главнѣйшіе моменты этой борьбы двухъ „братскихъ“ народовъ, соединенныхъ одною короною и разединенныхъ болѣе ранними историческими условіями жизни. Указавъ на главнѣйшіе фазисы въ исторіи уніи съ половины XV в. до Сигизмунда-Августа, мы перейдемъ къ тѣмъ задачамъ, которыя ставились сеймовыми политиками обоихъ народовъ его времени, когда унія, наконецъ, была заключена.

I.

Припомнимъ, что начало польско-литовской уніи было положено въ 1385 г., когда польскіе магнаты пригласили великаго князя литовскаго Ягайлу жениться на наслѣдницѣ польской короны Ядвига и занять польскій престолъ. Введеніе католичества во всѣхъ земляхъ — языческихъ и христіанскихъ — Литовскаго княжества и соединеніе этого послѣдняго съ Польшей были самыми важными сторонами этого союза. Однако дальнѣйшія событія показали, что литовцы были мало склонны къ потерѣ самостоятельности: при Витовтѣ Литва только номинально соединена съ Польшей. Отъ смерти Витовта до приглашенія Казимира Ягайловича на литовскій столъ происходила сильная междоусобная война, въ которой партія, стремившаяся къ независимости Литвы, играетъ крупную роль.

Приглашеніе Казимира Ягайловича на польскій престолъ сразу показало, какъ подозрительно смотрѣли литовцы на своихъ сосѣдей поляковъ, успѣвшихъ заключить въ теченіе полувѣка нѣсколько братскихъ договоровъ. По одному извѣстію вел. кн. Казимиръ предложилъ Литовскому сейму высказаться по поводу своего избранія, такъ какъ самъ князь колебался; дѣло шло о подтвержденіи уніи на условіяхъ, которымъ князь и рада Литовскіе не сочувствовали. Литва требовала отъ поляковъ Луцка и Подолія. Съ Литовскаго сейма было послано въ Петроковъ шесть пословъ для переговоровъ¹⁾. Въ свою очередь поляки требовали отъ вновь избраннаго короля на первомъ сеймѣ 1447 г. въ Петроковѣ удержанія Подолія и части Волыни за Польшей²⁾. Лѣтопись сообщаетъ намъ даже о крупныхъ недоразумѣніяхъ, происшедшихъ между магнатами обоихъ народовъ³⁾. Недавно опубликованъ отрывокъ договора Литвы съ Польшей, относимый къ 1446 г.; главными пунктами этого договора является предо-

¹⁾ Хроника Бѣльскаго въ изд. 1834 г., р. 249, т. XIV.

²⁾ Ibidem, р. 9. Długossi, Hist. Pol. (editio 1712 г.), II, 31.

³⁾ Быховець въ изд. Нарбута, р. 57—58. Ср. соображенія гр. Стадницкаго объ этомъ сеймѣ, «Koryjat i Koryjatowicze», Rozprawy i spraw. Ak. U., VII, р. 117—119.

ставленіе Литвѣ „на вѣки“ Луцка, Владимира, Лопатина, Ратно, Ветлы, Олеска и всей Подоліи съ замками; оба народа не должны выбирать государя одинъ безъ другого¹⁾. Но этотъ отрывокъ — или проектъ только уніи, или актъ, выданный поляками въ трудное время съ цѣлью не исполнять его впоследствии²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ въ Люблинѣ 1448 г. литовцы снова домогаются оставленія за Литвой Олеска, Лопатина, Ветель, Городла и всей Подоліи; на томъ же сеймѣ литовцы выставили поправку къ уніи Ягайлы, — что Литва и Польша должны держаться уніи только до тѣхъ поръ пока править ими племя Ягеллоновъ, на что поляки не согласились, ссылаясь на договоры³⁾.

Споры за Подолію и Волынь волновали общество обоихъ народовъ большую половину правленія Казимира. Литовцы уклонялись отъ общихъ сеймовъ съ поляками, посылая къ нимъ на сеймы только пословъ⁴⁾. Такъ они отдѣлялись отъ Парчовскаго сейма 1453 года, хотя на немъ литовскіе послы вступили въ пренія съ поляками⁵⁾. Нерѣшительная защита великимъ княземъ литовскихъ интересовъ вызвала даже заговоръ, цѣлью котораго было низверженіе Казимира съ литовскаго престола и возведеніе на него Симеона Олельковича⁶⁾. Господарь пощадилъ заговорщиковъ, потому что они были сильны. Черезъ пять лѣтъ (1461 г.) послѣ заговора на сеймѣ въ Вильнѣ литовскіе вельможи уже открыто предъявляютъ вел. князю дилемму: или жить въ Литвѣ (поляки какъ разъ требовали, чтобы король поменьше увлекался охотою въ литовскихъ лѣсахъ), или дать Литвѣ князя въ лицѣ того же Симеона. Казимиръ уклонился отъ отвѣта и отправился въ Польшу⁷⁾. Вопросъ о Подоліи и Волыни между тѣмъ такъ обострялся, что въ 1463 г. на сеймѣ въ Петроковѣ литовскіе послы подкрѣпляли свои требованія угрозой войны. Поляки послали своихъ пословъ на сеймъ въ Вильну, переговоры кончились ничѣмъ и король отложилъ дѣло до „общаго сейма“⁸⁾. Но этого общаго сейма пришлось ждать сто лѣтъ, потому что устроить общіе сеймы въ Парчовѣ и потомъ въ Ломжѣ не удалось⁹⁾. Что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ Казимирова правленія, единеніе между обоими народами не было прочно, показываетъ между прочимъ и то, что литовскіе паны еще разъ дѣлали попытку получить отдѣльнаго князя, такъ какъ просили въ 1478 году великаго князя и короля дать имъ княземъ одного изъ своихъ сыновей¹⁰⁾.

¹⁾ Monumenta medii aevi, t. XIV, Codex epistolaris, t. III, p. 7.

²⁾ Такова основная мысль г. Левицкаго, ст. въ Rozprawy wydz. hist.—filozof. Akad. Krak., t. XX.

³⁾ Бѣльскій, 10—12. Dęgossi, op. c., 37—38.

⁴⁾ Споръ за Подолію разсмотрѣнъ въ трудѣ гр. Стадницкаго «Koryjat Gedyminowicz i Koryjatowicze», Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydz. hist.—fil. Akademii Umiejętności, t. VII, p. 107 и слѣд.

⁵⁾ Бѣльскій, кн. XVI, p. 37—8. Dęgossi, op. c., 110, 111.

⁶⁾ Бѣльскій, 71. Стрыйковскій, хроника въ изд. 1766 г., p. 602.

⁷⁾ Бѣльскій, т. XVI, p. 103.

⁸⁾ Ibidem (кн. IV), p. 124—5.

⁹⁾ Ibidem, 141.

¹⁰⁾ Ibidem, кн. XVI, p. 9.

Смерть Казимира развязала литовцамъ руки. Не ожидая „согласія и совѣта“ своихъ союзниковъ, они выбираютъ на великое княженіе Александра. Не трудно видѣть, какая партія стремилась къ обособленію Литвы. Вспомнимъ, что литовскіе вельможи дважды поднимали вопросъ о возведеніи на великокняжескій престолъ одного изъ русскихъ удѣльныхъ князей — Симеона Олельковича. Русское же удѣльное князье посѣшило съ выборомъ Александра. На Виленскомъ сеймѣ 1492 г. выбрали князья Василиій и Михаилъ Глинскіе, князья Гольшанскіе, Гедройцскіе, Мстиславскіе и ^{Симеонъ} Михаилъ Олельковичъ, явившійся на сеймъ съ пятьюстами всадниковъ — молчаливыхъ, но надежныхъ голосовъ¹⁾. Есть правдоподобное извѣстіе, что были голоса и за самого Олельковича (Стрыйковскій). Если такъ, то въ избраніи Александра Казимировича нельзя не видѣть извѣстнаго компромисса между литовской и русской партіями крайняго направленія. При сажаніи в. князя на столъ Хребтовичъ сказалъ отъ имени пановъ рѣчь, которой если не отдѣльныя выраженія, то общій тонъ подходитъ къ даннымъ обстоятельствамъ, почему къ ней можно питать извѣстную долю довѣрія. Хребтовичъ напоминалъ новому господарю Литвы, чтобы онъ при управленіи руководствовался не волошскимъ, чешскимъ или нѣмецкимъ обычаемъ, но истинно литовскимъ и Витовтовымъ — напоминаніе, вполне обрисовывающее тогдашнее положеніе вещей.

Послѣдующія событія не дали полной побѣды партіи удѣльныхъ князей. Правда, Михаилъ Глинскій, — несомнѣнный глава этой партіи, успѣлъ поставить великаго князя въ зависимость отъ себя. Въ брачномъ союзѣ съ Москвою просвѣчиваютъ тѣ же партійныя тенденціи. Но и тяжелыя виѣшнія обстоятельства и личность самого князя и недремавшая польская дипломатія — все это не служило къ упроченію самостоятельности Литвы. Пересылки съ Ольбрахтомъ, сейчасъ по вступленіи Александра на престолъ, съ объясненіями причинъ вступленія на престолъ²⁾, нѣсколько проектовъ уніи Литвы съ Польшей³⁾, несомнѣнно исходившихъ изъ Польши, наконецъ договоръ 1499 г. — ясно свидѣтельствуютъ объ уступкахъ, которыя пришлось сдѣлать партіи, благоволившей къ Польшѣ. Правда, литовскіе проекты уніи не уменьшали достоинства Литвы, какъ государства. Унія 1499 г. доказала, что литовское правительство сумѣло отстоять свою самостоятельность⁴⁾. Но этотъ трактатъ, такъ же какъ и Мельницкій привилей, не далъ бы преобладанія польской партіи. Удѣльную партію подрывали виѣшнія политическія обстоятельства, съ которыми совѣтники Александра плохо справлялись, — отношенія къ усилившейся Москвѣ и набѣги крымцевъ. Положеніе государства въ моментъ смерти слабохарактернаго Александра — было весьма критическое. Неудивительно поэтому, что взяла верхъ партія Сигизмунда, несомнѣнно имѣвшаго виды и на польскій престолъ.

Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ бурныхъ событіяхъ, связанныхъ съ возстаніемъ Глинскаго, разумѣется, нельзя видѣть проявленія однихъ только честолюбивыхъ замысловъ и необузданнаго своеволія. Послѣднее было, потому что Глинскій былъ сынъ

¹⁾ Ibidem, p. 32—33, Стрыйковскій въ изданіи 1766 г., p. 644.

²⁾ А. З. Р., I, p. 116.

³⁾ Codex epistolaris, t. III, p. 435, 437, 440, 461, 462.

⁴⁾ Ibidem, 465 и 467.

вѣка и съ опытностью полководца и придворнаго интригана не соединялъ хладнокровія вождя партіи. Янъ Заберезинскій былъ слишкомъ видный представитель противоположныхъ стремленій для того, чтобы ненависть къ нему объяснять только личными счетами. Возстаніе Глинскаго — только второй актъ исторической драмы, начало которой сыграно такъ неудачно когда-то Свидригайлой.

Неудача партіи удѣльнаго князя заключается не въ томъ, что она опиралась на восточныя русскія земли, а въ ея консерватизмъ: удѣлы отжили свой вѣкъ, система обветшала. Случайность рожденія исключала приливъ свѣжихъ силъ въ эту партію, вообще малочисленную (какъ партія), потому что она опиралась на мелкомъ боярствѣ восточныхъ областей, слишкомъ мелкомъ, зависимомъ и удаленномъ отъ политическаго центра для того, чтобы играть политическую роль.

Напротивъ, партія среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ центральныхъ и западно-литовскихъ областей, во главѣ которой стояли Заберезинскіе и Радивилы, была многочисленнѣе по составу, свѣжѣе по своимъ политическимъ тенденціямъ. Ея программу нельзя назвать колонизаторскою, но несомнѣнно, что въ трудныя минуты она обращалась къ союзу съ Польшей.

Въ первые годы правленія Сигизмунда острые вопросы польско-литовскихъ отношеній были замолчаны. Пересылки польской и литовской радъ не лишены, правда, взаимныхъ упрековъ: литовскіе паны сочли нужнымъ объяснить причины поспѣшнаго избранія Сигизмунда въ великіе князья литовскіе; польскіе паны попрекали литовскихъ тѣмъ, что поляки по смерти Ольбрахта хотѣли избрать въ короли никого иного, какъ теперь избраннаго Сигизмунда Казимировича, но выбрали тогда Александра только изъ пріязни къ литовцамъ, въ виду ихъ тяжелаго политическаго положенія¹⁾. Это признаніе со стороны поляковъ указываетъ, что и при выборѣ на польскій престолъ Сигизмунда поляки лелѣяли мысль объ уніи съ Литвой. Тѣмъ не менѣе, когда московскіе войска начала тѣснить восточныя границы литовскихъ владѣній, великокняжеская рада спѣшитъ объявить своей „братии“ полякамъ „жалобливую прыгоду“ отъ московскаго великаго князя, забывшаго „вѣру и Бога“. Въ 1514 г. литовцы просятъ помощи у поляковъ; въ посольствѣ къ коронной радѣ черезъ Александра Ходкевича они обѣщаютъ закрѣпить союзомъ всѣ прежнія „списы“, — только бы поляки помогли имъ раздѣлаться съ Москвою; литовцы справедливо указываютъ своимъ сосѣдямъ на ихъ общую миссію — оплота для всего культурнаго христіанства противъ татаръ и москвитянъ. Польская рада высказываетъ соболѣзнованіе труднымъ обстоятельствамъ своего сосѣда, особенно настаивая на томъ, что одна изъ причинъ дерзости Москвы зиждется на отсутствіи „слушной едности“ между обоими государствами; впрочемъ, поляки обѣщаютъ дать помощь для борьбы съ Москвою въ распоряженіе „королевскаго маестату“, т.-е. не Литвѣ, а общему главѣ обоихъ народовъ²⁾. Весьма замѣчательно, что поляки говорятъ о помощи противъ враговъ королю, но не собственно Литвѣ, отгвняя тѣмъ персональность уніи (фактическую въ то время). Въ слу-

¹⁾ Сборникъ кн. Оболенскаго, I, р. 15.

²⁾ См. приложение первое.

чаяхъ нужды литовцы уступали настояніямъ изъ Короны и обѣщали подтвердить „записы“; но гораздо характернѣе настроеніе литовскихъ пановъ въ минуты мира съ восточными и южными сосѣдами. Въ 1526 г. посланы были къ королю отъ имени рады бискупъ Янъ и Юрій Миколаевичъ Радивиль. Они должны были „въ таемниці“ передать Сигизмунду о томъ, чтобы онъ не допускалъ посылки отъ папы короны въ Москву; все это — происки поляковъ, которые болѣе благопріятствуютъ отщепенцамъ-москвичамъ, чѣмъ литовцамъ, потому что поляки давно „працуютъ“ надъ тѣмъ, чтобы унизить Литовское княжество и съ теченіемъ времени „втѣлить“ его Коронѣ. Литовскіе паны не хотятъ сдѣлаться „подданными“ поляковъ и предлагаютъ своему господарю потребовать отъ поляковъ той короны, которою когда-то хотѣлъ короноваться Витовтъ и которую перехватили поляки: этой короной слѣдуетъ короновать юнаго Сигизмунда-Августа¹⁾.

Незачѣмъ пояснять значенія этихъ переговоровъ рады съ великимъ княземъ: дѣло клонилось къ уничтоженію и безъ того непрочнаго союза, скованнаго политиками XIV и XV вв. Вполнѣ понятно, что настроенная подобнымъ образомъ къ полякамъ рада не подтвердила прежнихъ договоровъ объ уніи. Ея политика была вполнѣ самостоятельна, обращенная на залѣчиваніе ранъ предыдущаго царствованія.

Съ первыхъ же лѣтъ Сигизмундова правленія удѣльная система была подавлена и правительство занялось организаціей государства въ объединительномъ смыслѣ. Престолъ окружаютъ теперь не владѣтельные князья, а крупные помѣщики; къ престолу проталкиваются совсѣмъ мелкіе люди, иногда разночинцы, какъ Аврамъ Іозефовичъ, Иванъ Горностаѣ, Богущъ Боговитиновичъ и др. — благодаря своей сноровкѣ въ финансовыхъ операціяхъ. Организационныя работы шли быстро, и государственное хозяйство становилось на прочную почву.

Литовскимъ совѣтникамъ Сигизмунда удалось установить съ Польшей отношенія независимаго союзнаго государства. Главная цѣль союза — оборона противъ непріятеля, что выражается въ пропорціональномъ распредѣленіи военныхъ издержекъ²⁾ и упоминокъ татарамъ³⁾. Формальный договоръ, заключенный 26 марта 1532 г., совсѣмъ не касается остраго вопроса объ уніи. Это — оборонительный союзъ Польши и Литвы. Артикулы этого договора содержатъ въ себѣ слѣдующія постановленія: общая защита отъ враговъ, особенно отъ татаръ, оба государства обязуются помогать другъ другу въ случаѣ нападенія врага на одного изъ нихъ; въ оборонѣ границъ литовцы и поляки помогаютъ другъ другу посылкою небольшихъ вспомогательныхъ отрядовъ въ 2—4 тысячи; оба государства обязуются добывать съ оружіемъ въ рукахъ всякую область (*dominium*) ихъ, которая отпала бы; не совсѣмъ яснымъ остается только пунктъ относительно пріобрѣтенныхъ общими силами земель⁴⁾.

Въ этомъ договорѣ нельзя не видѣть самостоятельности литовской дипломатіи.

¹⁾ А. З. Р. II, № 144.

²⁾ Хроника Бѣльскаго, р. 125, (т. XVI).

³⁾ Ibidem, 132. Довнаръ-Запольскій, Литовскіе упоминки тат. ордамъ, 1897 г.

⁴⁾ Метрика Коронная Моск. Арх. Мин. Ин. Д., кн. IV, л. 14 об. — 15 об.

Видимо, польская дипломатія не находила въ средѣ литовской рады удобной для себя почвы. Формальный союзъ, условія котораго только что были изложены, не помѣшалъ однако литовцамъ „всѣмъ рицерствомъ“ отказаться отъ похода въ Молдавію въ 1537 г. Великій князь несомнѣнно самъ былъ заинтересованъ въ походѣ, но тѣмъ не менѣе Литовскій сеймъ отказался нарушить миръ съ волохами изъ-за чисто польскихъ интересовъ¹⁾.

Еще болѣе устойчивыми оказались литовскіе политики въ 1544 году, когда поляки снова хотѣли вовлечь ихъ въ политику приключеній. Коронная рада и король предлагали Литвѣ заключить союзъ противъ турокъ. Литовская рада, въ отвѣтъ на настойчивыя представленія Сигизмунда I подала ему на Берестейскомъ сеймѣ особое мнѣніе. Въ немъ указывалось на то, что литовцы и раньше всегда помогали полякамъ противъ непріятелей „ради братской любви и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній“, чего, однако, поляки далеко не выполняли. Въ настоящій моментъ не могло бы быть и рѣчи о заключеніи союза противъ турокъ, потому что поляки не прислали къ литовцамъ ни своихъ пословъ, ни официальной просьбы; поэтому рада полагаетъ, что предпринимаетъ союзъ самъ король по своей доброй волѣ, лично отъ себя. Впрочемъ, въ виду братскихъ отношеній между обоими народами, литовская рада обѣщаетъ полякамъ слѣдующую помощь: если турки сами нападутъ на Польшу, направившись черезъ Валахію, литовцы выступятъ противъ нихъ всѣмъ войскомъ, если турки пойдутъ черезъ Силезію, то дадутъ помощь въ 4000 чел. конницы. Но при всемъ томъ король долженъ исплопотать у поляковъ такія же обѣщанія по отношенію къ Литвѣ²⁾.

И въ этомъ отвѣтѣ сказался прежній взглядъ литовцевъ на отношеніе къ Польшѣ, какъ дружественныхъ, но равноправныхъ народовъ.

II.

Первые годы правленія Сигизмунда-Августа показали, что польская политическая мысль дремала въ предшествующія тридцать лѣтъ, но не заснула.

Первые же польскіе сеймы выяснили, откуда надо ждать важнѣйшихъ движеній политической жизни: посольская изба выступаетъ во всеоружіи народнаго представительства. Если во время Казимира, Александра и Сигизмунда Стараго, можно думать, что вопросомъ объ уніи руководила партія магнатовъ въ цѣляхъ усиленія государства и въ цѣляхъ захвата земель и урядовъ въ Литвѣ, то въ правленіе Сигизмунда Августа вопросъ былъ поднятъ снизу, развивался постепенно, и цѣль уніи измѣнилась.

Необходимо поближе подойти къ горну, на которомъ окончательно была выкована идея уніи, висѣвшая на политическомъ горизонтѣ съ конца XIV вѣка.

Сигизмундъ-Августъ не умѣлъ ладить съ возраставшимъ могуществомъ посольской избы. Онъ былъ слишкомъ нерѣшительнымъ для того, чтобы или дѣйствовать самостоятельно, или перейти открыто на ту или другую сторону; его мужество не шло дальше откладываній дѣла „до завтра“ и выслушванія со стороны пословъ

¹⁾ Кн. Зап. Лит. Метр. Арх. М. Ю., XV, л. 202.

²⁾ Метр. М. А. М. Ю., Кн. Д. П. Л. V, лл. 36 об.— 39 об.

рѣзкихъ замѣчаній по его адресу, какъ государя и мужа. Нерѣшительность, топтаніе на одномъ мѣстѣ, отразились и на работѣ сеймовыхъ пословъ. Дневники коронныхъ сеймовъ того времени представляютъ странное зрѣлище: много времени отводится сеймовой процедурѣ, „намовамъ“ радѣ, пословъ, короля. Всѣ три чина какъ бы старательно избѣгаютъ говорить о дѣлѣ, о дѣйствительныхъ нуждахъ государства. Инициатива законодательная принадлежитъ посламъ во всей ихъ совокупности, но они не чувствуютъ особеннаго призванія къ законодательству, ограничиваясь весьма общими указаніями на непорядки въ государствѣ (отсутствіе правосудія, грабежи, разбои и пр.), старательно отстаивая свои шляхетскія вольности, которыхъ никто, впрочемъ, не нарушалъ. Въ такихъ безцѣльныхъ дебатахъ проходятъ сеймы, и рѣдкій изъ нихъ даетъ хоть частичные, но положительные результаты. Щепетильность шляхты къ своимъ правамъ не знаетъ предѣловъ. На сеймѣ 1548 года шли дебаты о женитьбѣ короля на Барбарѣ Радивиль¹⁾. Когда король запретилъ радѣ высказывать свое мнѣніе поодионокѣ, потому что-де онъ, король, уже далъ достаточныя объясненія, — по поводу этого запрещенія поднялась цѣлая буря, занявшая дебатами нѣсколько дней. Послы не добились на этомъ сеймѣ расторженія королевскаго брака, и примирившись съ уже совершившимся фактомъ, поставили, однако, запросъ радѣ о томъ, не считаетъ ли она отношеніе къ ней короля для себя оскорбительнымъ. Мнѣніе рады раздѣлилось. Послы во всемъ вину старались свалить на короля, хотя его власть фактически бездѣйствовала, стѣсненная избою и радюю. Народное представительство контролируетъ даже судебныя функціи короля, заставляя его судить только во время сеймовъ, а такимъ образомъ шляхетскій *populus* могъ контролировать верховный судъ. Здоровая струя освѣжила польскій сеймъ только въ пятидесятихъ годахъ, когда депутатами его почти поголовно являлись протестанты, объявившіе борьбу господствующей церкви. Но они не нашли достаточной поддержки среди рады.

Интересно, что и послы, и рада, и король прекрасно сознавали бесплодность сеймовыхъ дебатовъ и необходимость реформы. „Отъ столь частыхъ сеймовъ, которыхъ (столь частыхъ) не знали наши отцы, мы не видимъ — говорилось въ 1565 г. королю отъ имени избы — иной пользы, какъ та, что одинъ сеймъ родитъ другой. Мы отъѣзжаемъ отъ вашей королевской милости только съ написанной и запечатанной бумагой (сеймовое постановленіе, которое послы увозили съ сейма), но порядку у насъ нѣтъ, хотя мы о немъ говоримъ, пишемъ“²⁾.

Съ высоты трона не разъ указывалось на то, что вслѣдствіе своихъ непорядковъ Польша превратилась въ убѣжище для всякаго нечестія (*asylum nequitiae*), Речь Посполитая — несчастная вдова. Не разъ на сеймѣ съ горечью повторяли классическую фразу, что поляки непохожи на своихъ отцовъ (*degeneravimus a patribus nostris*). Но это сознаніе не научило, однако, поляковъ тому, какъ исправить свой политическій строй. Правда, въ описываемое время возникаетъ мысль помочь

¹⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, т. I.

²⁾ *Bibl. Ord. Kras.* 1868, 36.

горю пересмотромъ правъ и привилегій съ цѣлью уничтожить тѣ нарушенія ихъ, которыя допущены съ теченіемъ времени; это — знаменитая экзекуція правъ. Она была направлена противъ магнатовъ и выдвинута наиболѣе либеральной, наиболѣе свѣжей партіей депутатовъ — протестантами. Но съ экзекуціей правъ поляки не покончили вплоть до потери самостоятельности. И это вполне естественно; увлеченные убѣжденіемъ въ высокой политической мудрости своихъ отцовъ, поляки забыли сочтаться съ временемъ и государственнымъ ростомъ народа; Польшу XVI—XVIII вв. было невозможно вогнать въ права и привилегіи XIV—XV вв., — нужно было создавать новые устои государственной жизни, а на этомъ-то и не удалось имъ столкнуться. Въ одномъ только успѣли сойтись разнородные элементы польскаго сейма — въ стремленіи къ уніи съ Литвой, но и то потому, что выгода этого шага, какъ увидимъ, была слишкомъ очевидна для всѣхъ партій. Видимо, что сила, которою обладалъ польскій сеймъ въ общемъ своемъ составѣ и въ частности каждый членъ его, — была слишкомъ велика, такъ что сама тяготила сеймъ.

Мы представили общую картину посольской избы того времени, въ которой засѣдалъ *populus tumultuosus, plebs*. Нельзя сказать, чтобы среди этого *populus'a* не было извѣстнаго единообразія, гармоніи, но это — гармонія хаоса. Этотъ очеркъ объясняетъ намъ нѣкоторыя стороны въ проведеніи идеи уніи; она привилась медленно, какъ и все, что дѣлалось сеймомъ; сила посольской избы доросла до такихъ размѣровъ, что принудила короля сдѣлать крайніе шаги къ 1569 г., на которые онъ не рѣшился бы въ началѣ своего правленія; преобладающею партіею избы являются протестанты-демократы (въ шляхетскомъ смыслѣ), которые ищутъ союза въ средѣ своихъ литовскихъ единомышленниковъ.

Намъ остается прослѣдить постепенный ростъ и обосновку идеи уніи на сеймахъ этого времени.

Первый фазисъ литовско-польскихъ отношеній при Сигизмундѣ-Августѣ начался съ момента отдачи Коронѣ Бѣльской и Подляшской земель на Виленскомъ сеймѣ 1547 г.; литовская шляхта была возмущена этимъ, но ничего не могла сдѣлать, потому что сеймъ санкционировалъ желаніе великаго князя, и рада первая дала свои подписи¹⁾. Въ этой уступкѣ (впрочемъ, далеко не полной) Коронѣ нельзя не видѣть своего рода уплаты за согласіе коронной рады на женитьбу короля на Барбарѣ Радивилъ; не даромъ и литовская рада охотно подписывала привилей.

На бурномъ Петроковскомъ сеймѣ 1547—8 г. послы коронные впервые потребовали у короля назначенія общаго сейма съ Литвою, Пруссамъ и Силезіею, указывая на нерушимость уніи и на необходимость переговоровъ о монетѣ²⁾. Но эта попытка была еще слаба и мало обоснована. Король отвѣтилъ на этотъ запросъ въ окружномъ посланіи, имѣвшемъ цѣлью дискредитировать не въ мѣру требовательныхъ пословъ. Король указываетъ на то, что вопросъ объ уніи не могъ трактоваться на

¹⁾ Wiuk Kojałowicz, по изд. въ Антверпенѣ 1669 г., t. II, p. 405.

²⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, t. I, Krakov, 1872, p. 172, 246, 259. Hr. de Broel-Plater, *Zbiór pamiętników*, I, стр. 160.

сеймъ, потому что за краткостью времени некогда было созвать литовцевъ на сеймъ; литовцы имѣютъ свои права, по которымъ собираются на сеймы, когда къ нимъ разсылаются листы съ приглашеніями на сеймы. Всего этого королю нельзя было сдѣлать. Королю необходимо предварительно отправиться въ Литву, назначить тамъ сеймъ, гдѣ можно было бы поднять вопросъ объ уніи¹⁾.

Трудно пока сказать утвердительно, какъ смотрѣлъ самъ король въ первые годы своего правленія на вопросъ объ уніи. Но не забудемъ, что цитированное посланіе написано съ цѣлью оправданія короля въ глазахъ народа послѣ рѣзкихъ требованій со стороны пословъ развода съ Барбарой: король долженъ былъ быть уступчивымъ, хотя бы на словахъ, потому что его тронъ колебался.

Сеймомъ 1548 г. завязались безконечные переговоры объ уніи. Не проходило ни одного сейма, на которомъ не поднимали бы этого вопроса.

На сеймѣ 1550 г. въ Петроковѣ послы снова подавали артикулы своихъ просьбъ королю, въ которыхъ нашель себѣ мѣсто вопросъ объ уніи: посольскіе артикулы предлагаютъ постановить, что каждое изъ трехъ княжествъ, — Литва, Пруссія и Силезія имѣютъ право соединиться съ Короной; но это единеніе должно быть выполнено (sic); необходимо назначить общій вальный сеймъ, на который бы явились рада этихъ земель и послы отъ повѣтовъ; сеймъ этотъ долженъ заняться экзекуціею правъ²⁾. Мы не знаемъ діаріуша этого сейма и ближайшей постановки вопроса, но и здѣсь уже прокладывается основная мысль посольской избы: они хотятъ подкрѣпиться въ борьбѣ со знатью и духовенствомъ за экзекуцію правъ послами союзныхъ государствъ.

Въ сентябрѣ 1551 г. мы видимъ польскихъ пословъ на Виленскомъ сеймѣ. По одному лѣтописному извѣстію, они начали издалека — съ требованія отъ литовцевъ Подляхін, Волыни, Кіевщины и даже Сѣверщины³⁾, наконецъ предлагали унію⁴⁾; но успѣха они не имѣли, потому что литовскій сеймъ отвѣтилъ дипломатичнымъ отказомъ. Конституція литовскаго сейма 1551 г. говоритъ довольно глухо о переговорахъ съ поляками. Послы просятъ господаря учинить окончательное постановленіе съ панамъ польскими на Петроковскомъ сеймѣ относительно границы и „всѣхъ тыхъ кривдъ и шкодъ, которые имъ отъ пановъ поляковъ дѣются“; если не удастся добиться установленія вѣчной границы, послы просятъ великаго князя по крайней мѣрѣ о временныхъ, чтобы прекратить безконечные наѣзды, грабежи и захваты съ польской стороны. Въ руководство великаго князя послы предлагаютъ просьбы сейма, учиненныя еще Сигизмунду Старому на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.⁵⁾ (мы съ ними уже знакомы). Такимъ образомъ въ отвѣтъ на предложеніе уніи литовскій сеймъ напоминаетъ полякамъ объ исполненіи ими элементарныхъ условій сосѣдства.

Къ тому же сводится и особое мнѣніе рады, поданное государю. Ссылаясь на то,

¹⁾ Script. r. p., I, p. 264—271.

²⁾ Scriptores rerum polonicarum, t. I, p. 39.

³⁾ Wiuk Kojałowicz, ib., p. 416.

⁴⁾ Ср. Срыйковскій, ibidem, p. 750.

⁵⁾ А. З. Р., III, p. 46.

что объ оборонѣ противъ турокъ уже составленъ общій проектъ въ 1544 г., рада съ особеннымъ удареніемъ говорить о несогласіи на унію шляхты, напоминаетъ королю о его присягѣ и его отца — сохранить княжество въ стародавнихъ границахъ, и, наконецъ, рада заявляетъ, что по ея мнѣнію ни въ какихъ общихъ сѣздахъ и въ будущемъ нѣтъ надобности¹⁾.

Отношеніе самого короля къ вопросу объ уніи въ эти первые сеймы не совсѣмъ ясно: онъ играетъ роль посредника, не желая брать на себя болѣе активную роль. Въ письмѣ къ Радивилу Черному Сигизмундъ-Августъ жалуется на настойчивость и неумѣренность коронныхъ пословъ. Послѣдніе требуютъ сложенія общаго сейма съ Литвою, Пруссамы и Силезіею. Литовцамъ они предлагаютъ сѣхаться въ Войницѣ, а сами поляки соберутся въ Парчовѣ; здѣсь, на пограничѣ, они предлагаютъ вести переговоры. Король передаетъ въ томъ же письмѣ и свой отвѣтъ посламъ короннымъ: литовцы не повинны сеймовать въ Войницѣ, а собственною властью приказать имъ этого король не можетъ, потому что Литва имѣетъ свои права и вольности. Король предлагалъ полякамъ сложить сеймъ въ Парчовѣ, а литовцамъ въ Вильнѣ и вести переговоры черезъ пословъ²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, король пока держится нейтралитета, и въ его положеніи трудно было поступить иначе. На Краковскомъ сеймѣ 1553 г. выяснилось положеніе обѣихъ сторонъ. Въ отвѣтъ посламъ Сигизмундъ-Августъ заявляетъ, что, будучи въ Литвѣ, онъ созывалъ сеймъ и предлагалъ на его обсужденіе вопросъ объ уніи (онъ подразумѣвалъ Виленскій сеймъ 1551 г.); на унію литовцы будто бы согласились (мы знаемъ, каково было это согласіе). Относительно общаго права литовцы указываютъ на различіе правъ обоихъ государствъ и что трудно согласиться на измѣненіе права и полякамъ и литовцамъ. Что касается обороны³⁾ противъ турокъ, то король повторилъ условія литовцевъ, предложенныя сеймомъ еще въ 1544 г. и данныя королю въ руководство въ 1551 г. Въ отвѣтъ королю Миколай Сѣнницкій, извѣстный, ораторъ того времени, произнесъ сильную рѣчь, исполненную нападокъ и ироніи по отношенію къ политикѣ главы государства. Онъ развивалъ ту мысль, что король обязанъ „согласно статуту“ сложить общій сеймъ, на которомъ могъ бы быть поднятъ вопросъ объ общихъ недостаткахъ. Унія не въ томъ только, говоритъ посолъ, что намъ предлагаютъ какія-то условія общей обороны, такъ какъ они намъ обязаны обороной противъ всякаго непріятели. У нихъ и у насъ непріятели общіе; намъ, полякамъ, гораздо важнѣе общіе съ ними совѣты⁴⁾.

Въ своемъ отвѣтѣ избѣ король еще разъ заявляетъ, что онъ употребилъ не мало старанія, чтобы въ Литвѣ было постановлено что-либо къ общему благу Короны и княжества; единственно съ этою цѣлью король ѣздилъ въ Литву и собиралъ тамъ

¹⁾ Метр. Кор. М. Арх. М. Ин. Д., кн. XIV, л. 95.

²⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, t. I, p. 88. Lachowicz, *Pamiętniki do dziejów Pol.*, 1842 г., p. 48.

³⁾ *Script. r. p.*, I, p. 15—16.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 20.

сеймъ, постановленіе котораго передано посламъ. Но вы этимъ не довольствуетесь, вамъ нужно отъ нихъ чего-то большаго и у васъ есть кое-что, о чемъ вы хотите съ ними переговорить. Если вы опредѣленно не высказываете передъ его королевской милостью о предметѣ вашихъ переговоровъ, то король и самъ не желаетъ о немъ знать и у васъ спрашивать и не намѣренъ поднимать объ этомъ вопроса. Король былъ бы готовъ устроить Литвѣ общій съ Короною сеймъ, но онъ знаетъ и понимаетъ, что литовцы — люди вольные, какъ и поляки, приказывать имъ онъ не будетъ, такъ какъ, согласно съ правами, не знаетъ, согласятся ли они на сеймъ. Король постарается, впрочемъ, сложить литовцамъ сеймъ, на который пусть поляки пошлютъ свою братью для переговоровъ, и если литовцы согласятся, онъ не замедлитъ исполнить ихъ просьбы¹⁾.

Геронимъ Оссолинскій отвѣчалъ королю отъ имени избы. Онъ вопросъ объ уніи старается свести на историческую почву, указывая, что самый фактъ приглашенія литовскаго князя на польскій престолъ былъ сдѣланъ съ цѣлью увеличенія военныхъ силъ Польши, но тогда же былъ рѣшенъ вопросъ объ общихъ сеймахъ. Онъ находитъ вреднымъ для Рѣчи Посполитой мнѣніе тѣхъ, которые сводятъ вопросъ объ уніи на желаніе короля потому-де, что — Литва отчина короля: унія существуетъ издавна и должна существовать вѣчно; Ягайло и Витовтъ свое дѣдичное право на великое княжество Литовское окончательно передали Коронѣ, съ согласія всей литовской шляхты. Паны литовскіе и впоследствии не разъ присягали на вѣрность и единеніе Коронѣ, о чемъ свидѣлствуютъ документы въ статутѣ и въ королевскомъ скарбѣ. Унія была *in usu* до Сигизмунда I, но ни онъ, ни Сигизмундъ-Августъ не назначали общаго сейма, потому что не было надобности, а теперъ она есть²⁾.

Пока всѣ три заинтересованныя стороны толкутся на одномъ мѣстѣ. Но рѣчи на сеймѣ 1553 года обрисовываютъ, въ связи съ литовскимъ отвѣтомъ 1551 года, положеніе въ данномъ вопросѣ и короля и сеймовъ обоихъ государствъ. Король не довѣряетъ коронной избѣ, предвидя, что рѣчи на общемъ сеймѣ коснутся *communis mali*, а среди *mali* въ глазахъ пословъ была двойственная нерѣшительная политика самого короля; еще менѣе могъ довѣриться король соединенной избѣ Литвы и Польши. Коронная рада во все время дебатовъ старательно избѣгаетъ высказываться по вопросу объ уніи, которая въ такой постановкѣ не могла принести ей ничего хорошаго; зло, на которое указывала изба, заключалось въ широтѣ власти духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ: борьба съ церковью, борьба съ магнатами — вотъ программа тогдашней, почти поголовно протестантской, посольской избы. Для послѣдней вопросъ объ уніи — вопросъ не корыстолюбивой политики польскихъ дипломатовъ XV вѣка, а вопросъ политической. Но маскируя истинныя причины своихъ стремленій, наталкиваясь на сопротивленіе высшихъ классовъ въ Литвѣ, посольская изба вырабатываетъ постепенно ту сложную историко-юридическую аргументацію, которая впо-

¹⁾ Ibidem, p. 22.

²⁾ Ibidem, p. 30—31.

слѣдствіи легла въ основу уніи. Зачатки, пока неясные, этой аргументаці видны въ рѣчи Оссолинскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, все то, что неопредѣленно намѣчалось на сеймѣ 1553 г., то является уже значительно созрѣвшимъ, оформившимся въ 1555 г. на сеймѣ въ Краковѣ. Въ проектѣ конституціи этого сейма снова повторено желаніе общаго сейма¹⁾. Особенно интересно жегнаніе (прощаніе) пословъ съ королемъ. Они съ горечью указываютъ на великое зло въ государствѣ — всестороннюю неурядицу. Непорядокъ является слѣдствіемъ нарушенія привилегій, которое грозитъ гибелью государству. Подобная опасность обща и Литвѣ и Коронѣ. Чтобы помочь горю, король долженъ собрать общій сеймъ для славы предковъ, для славы имени Ягеллоновъ. Работы будущаго сейма жегнаніе предполагаетъ въ двухъ направленіяхъ: собравшійся *congrus regni* рѣшить всѣ вопросы относительно общей обороны, а также объ уничтоженіи той страшной неурядицы въ Коронѣ, которая такъ размножилась, что наконецъ становится опасной. На этомъ сеймѣ, который посламъ представляется въ розовомъ свѣтѣ, они покончатъ съ вопросомъ объ экзекуціи правъ¹⁾.

Послы высказались на этотъ разъ вполне откровенно. Король отвѣтилъ имъ тою же откровенностью: тотчасъ послѣ сейма онъ сложилъ повѣстовые сеймики, на которыхъ поручилъ посламъ своимъ жаловаться шляхтѣ на рѣзкость и требовательность депутатовъ, которыхъ она высылаетъ въ избу; король проситъ шляхту не посылать подобныхъ пословъ на сеймы, выбрать другихъ.

Такимъ образомъ король обратился къ народу. Но сеймики въ Новомъ Мѣстѣ и въ Колѣ стали на сторону пословъ: шляхта, въ присутствіи пановъ рады, торжественно благодарила своихъ депутатовъ, одобрила ихъ дѣйствія, и снова выбрала ихъ въ избу, чтобы паны и король знали, какъ цѣнить шляхту своихъ избранниковъ³⁾. Королевская политика потерпѣла полное пораженіе.

Цѣль посольской избы высказалась вполне опредѣленно. Но добиваясь съ такимъ упорствомъ общаго сейма, шляхта встрѣчала еще въ это время полное равнодушіе со стороны своего литовскаго собрата. Наоборотъ, въ постановленіяхъ послѣдняго нерѣдко можно встрѣтить статьи, прямо направленныя противъ притязательности поляковъ. Это объясняется тѣмъ, что въ началѣ 50-хъ годовъ мелкая литовская шляхта, на которую рассчитывала коронная, не была въ силѣ на сеймѣ; литовскіе же магнаты далеки были отъ братанья съ поляками. Между обоими народами, которые связала историческая судьба, всегда была искра недовѣрія, хотя и всячески маскируемая дипломатами. Неудивительно поэтому, что въ глазахъ многихъ поляковъ видимый союзъ короля съ литовскимъ сеймомъ вызывалъ недружелюбное отношеніе къ самой Литвѣ. Съ этой стороны весьма любопытенъ политическій памфлетъ, имѣющій близкую связь съ дѣятельностью посольской избы и, вѣроятно, вышедшій изъ нея. Этотъ памфлетъ

¹⁾ Dzienniki sejmów walnych Koronnych za panowania Zygmunta Augusta etc., Krak. 1861 г., р. 81.

²⁾ Ibidem, р. 91 — 93.

³⁾ Ibidem, р. 94.

любопытень съ той стороны, что содержитъ въ себѣ полную аргументацію тогдашнихъ политиковъ объ уніи и общемъ сеймѣ, отражая въ то же время и то неопредѣленное братски враждебное отношеніе, существовавшее между обоими народами. Это — своего рода рѣчь каштеляна Мелешки на польскій ладъ. Этотъ памфлетъ любопытень и тѣмъ, что несомнѣнно отражаетъ въ себѣ взглядъ протестантствующихъ поляковъ ¹⁾.

Основа аргументаціи названнаго произведенія — историческая. Оно возстаетъ противъ мнѣнія, будто проектируемая унія нѣчто новое: еще Ягайло инкорпорировалъ Литву къ Коронѣ, на что дали свое согласіе его братья и вся земля; при инкорпорациі литовскіе паны и шляхта получили много вольностей, какія были въ Коронѣ. Ягайло держался уніи, но при Казимирѣ литовцы перестали держаться уніи и теперь ея не держатся. Напротивъ, литовцы отстаивали Луцкъ, Ломазы и нѣкоторые другіе города, и даже нѣсколько разъ возбуждали татаръ на Польшу. Литовцы не исполняютъ и того пункта Ягайловой уніи, по которому они обязаны выбирать вмѣстѣ съ Польшею государя, потому что безъ поляковъ выбрали Александра и Сигизмунда I. Литовцы не помогаютъ Коронѣ въ борьбѣ съ врагами (припоминается походъ Сигизмунда I на Молдавію). Наконецъ, они не хотятъ собирать общихъ сеймовъ. Литовцы выказываютъ недоброжелательство къ полякамъ, издавая постановленія противъ тѣхъ изъ нихъ, которые селятся въ Литвѣ, между тѣмъ какъ отъ поляковъ они заимствовали много хорошаго. Литовцы нарушаютъ, однимъ словомъ, *jus gentium, pacta, foedera*, которые держатъ все христіанскіе народы, даже язычники, кромѣ татаръ, отъ которыхъ они заимствуютъ примѣры. Литовцы не держатъ присяги и Бога не боятся. Они всячески стараются, чтобы общіе государы, которыхъ они выбрали, „нищили“ Корону: не для кого не тайна, что все (!) королевскіе доходы и много вещей, которыя должны бы оставаться въ Коронѣ, — вывезены въ Литву. Однимъ словомъ, Корона мало выиграла отъ литовской дружбы. Необходимо, чтобы поляки позаботились сохранить свободную элекцію, которая нарушается литовцами, потому что Литва можетъ поспѣшить и при будущей элекціи. Авторъ возражаетъ тѣмъ, кто стоитъ за союзъ съ Литвою изъ-за опасенія татарскихъ набѣговъ: татары нападаютъ для грабежа безъ побужденія со стороны литовцевъ. Правда то, что Польша будетъ сильнѣе въ союзѣ съ Литвой; но правда и то, что Литва будетъ всегдѣмъ слаба безъ Польши; у Литвы два сильныхъ врага — инфлянты и московскій царь, который хуже татарина; Литвѣ не отстоять себя безъ помощи польскихъ солдатъ.

¹⁾ Ibidem, p. 95—100. Это произведеніе находится среди діаріуша малопольскаго сеймика, собраннаго въ Новомъ Мѣстѣ сейчасъ послѣ Петроковскаго сейма. Оно имѣетъ форму сеймовой рѣчи, посвященной жгучимъ вопросамъ тогдашней внутренней политики: чрезмѣрному расширенію правъ духовенства, уніи и пр. Изъ діаріуша не видно, говорилась ли эта рѣчь въ присутствіи короля или рады, или же къ діаріушу просто присоединено составителемъ отдѣльное политическое произведеніе того времени. Намъ думается, что это политическій памфлетъ, присоединенный къ діаріушу. Дѣло въ томъ, что между рѣчью Миколая Свѣинскаго и самимъ произведеніемъ — несомнѣнная лакуна; изъ нѣсколькихъ же мѣстъ памфлета видно (напр. стр. 100), что авторъ его выражаетъ свои мысли на письмѣ.

Этотъ мемуаръ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Основная мысль польскаго патріота XVI в. такая же, какую и въ настоящее время можно, къ сожалѣнію, найти во многихъ польскихъ трудахъ: права и вольности, данныя Литвѣ Ягайломъ, присчитываются къ числу величайшихъ благодѣяній польскаго народа по отношенію къ литовскому; за эти пергаменные благодѣянія полякъ готовъ требовать отъ Литвы полного подданства. Съ другой стороны памфлетъ, объединяя всѣ причины недовольства, существовавшія у поляковъ по отношенію къ литовцамъ, намѣчаетъ и ту аргументацію, которая, выдвигалась сторонниками инкорпораціи: Литва инкорпорирована Ягайломъ, Литва — отчина своихъ государей, союзъ съ Литвой полезенъ для Польши въ виду прекращенія династіи — такъ можно формулировать всѣ эти доводы. Но съ другой стороны, такъ какъ настоящій мемуаръ вышелъ изъ среды протестантской партіи, то нельзя не отмѣтить въ ея отношеніи къ Литвѣ нѣкотораго поворота; политическія соображенія общегосударственнаго характера и давнее недовѣріе къ Литвѣ берутъ верхъ надъ интересами партіи. А такая постановка вопроса является компромиссомъ, къ которому не трудно было бы склонить и знать и короля.

Дѣйствительно, послѣдующія событія показываютъ, что сближеніе партій по данному вопросу черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлало громадныя успѣхи, и какъ разъ на почвѣ компромисса. Правда, дѣлу уніи помогали и внѣшнія обстоятельства. Напомнимъ, что періодъ конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ ознаменовался поворотомъ въ пользу католицизма. Реакція, руководимая Коммендоне, сдѣлала крупныя успѣхи и сеймовая оппозиція шестидесятихъ годовъ далеко не является такой единодушной и протестантской, какъ десять лѣтъ назадъ. Даже патріотизмъ видныхъ протестантскихъ пословъ подвергается сомнѣнію въ рядахъ мелкой шляхты¹⁾. Вопросъ объ экзекуціи правъ слабѣетъ, дѣлается менѣе страшнымъ для знати²⁾. Найдены были новые мотивы для сеймовыхъ дебатовъ — семейная жизнь короля³⁾. Послѣдняя запугиваетъ посольскую избу будущими смутами междуцарствія⁴⁾. Король явно склоняется въ сторону партіи магнатовъ и католиковъ. Въ этой партіи онъ ищетъ опоры, потому что на политическомъ горизонтѣ появились ливонскія дѣла.

Ливонскія дѣла запутали Литву такъ, что ей необходимо было искать союза съ Польшей. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1562—1564 гг. дѣло уніи сдѣлало большой шагъ впередъ. Сеймъ 1562 года въ Петроковѣ открылся заявленіемъ о необходимости уніи, какъ одной изъ частныхъ экзекуціи правъ⁵⁾. Сеймъ въ Варшавѣ 1563 года уже видѣлъ блестящее литовское посольство, снаряженное отъ всѣхъ чиновъ. Сами поляки сознавали, что къ этому моменту сдѣлано весьма многое. Глава литовскаго посольства, воевода виленскій Миколай Радивиль сказалъ въ собраніи короннаго сейма

¹⁾ Biblioteka Ordynacyi Krasiniskich, rok 1868, p. 235 и сл. (сеймъ 1565 г.).

²⁾ Ср. дебаты объ инстигаторахъ, *ibidem*, p. 176.

³⁾ Ср. сеймовой проектъ 1558 г. на случай элекціи, *Dzienniki*, p. 190 и сл.

⁴⁾ См. дебаты на Люблинскомъ сеймѣ 1566 г. Метр. Коронная М. Арх. М. Ю., Отд. IX, кн. № 66.

⁵⁾ *Zródłopisma do dz. unii*, ed. Działyński, II, p. 144.

нѣсколько блестящихъ рѣчей, легкихъ и остроумныхъ¹⁾. Онъ такъ много говорилъ о братствѣ народовъ, о сладости совмѣстной жизни, что забылъ упомянуть о самомъ существенномъ, о томъ, чѣмъ же, по мнѣнію литовцевъ, должна быть унія. Онъ говорилъ такъ пріятно и такъ неопредѣленно, что не даромъ коронный подскарбій въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій упрекалъ литовцевъ въ неискренности, предлагая уничтожить самое имя Литвы²⁾.

Мы видимъ, что чѣмъ ближе къ унії, тѣмъ болѣе и болѣе поднимаютъ голову въ Польшѣ элементы, наименѣе склонные къ фактическому братству обоихъ народовъ. Но этомъ же сеймѣ появляется и вполне опредѣленная форма унії: одинъ государь, одинъ законъ, одинъ народъ, одна печать и одинъ маршалскій жезлъ (жезлъ сеймоваго маршала, слѣд. общій сеймъ)³⁾. Такія заявленія грозили серьезными послѣдствіями для Литвы какъ разъ въ то время, когда политическое положеніе ея становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Результатомъ польскихъ требованій явилась декларація Варшавскаго сейма 1563—64 гг., которою король отрекся отъ своего наслѣдственнаго права на Литву и подарилъ ее Коронѣ⁴⁾. Послѣ нея вопросъ объ унії вступаетъ въ новый фазисъ развитія; унію поляки хотятъ сдѣлать вопросомъ внутренней политики, какъ одну изъ частныхъ экзекуціи правъ.

Обратимся къ сеймовымъ дебатамъ 1865—66 годовъ.

Сеймъ начался съ королевской пропозиціи, заявлявшей готовность и старанія короля въ дѣлѣ унії⁵⁾. Отъ имени избы отвѣчалъ королю маршалокъ ея Николай Сѣницкий, который особенно подчеркивалъ то, что унія — *non postrema pars executionis*. На будущемъ общемъ сеймѣ должны быть отъ Литвы не только послы, но и „всѣ“. Король обязанъ выполнить свою присягу. Поляки пока не знаютъ, друзья для нихъ литовцы, или враги, а потому и рѣчи быть не можетъ о помощи въ ливонскомъ дѣлѣ до унії. Впрочемъ, нѣкоторые изъ литовцевъ высказываютъ явную неприязнь къ унії и просятъ, чтобы вопросъ о ея рѣшеніи не былъ предоставленъ королю⁶⁾. Особенно замѣчательно поведеніе краковскихъ пословъ на этомъ сеймѣ (депутаты, посылаемые изъ Краковской земли, вообще отличались консерватизмомъ и союзомъ со знатью). Они отказались входить въ разсмотрѣніе вопроса объ оборонѣ и податяхъ, пока не будетъ выполнена важнѣйшая часть экзекуціи правъ — инкорпорація Литвы. Это заявленіе вызвало въ засѣданіи 26 января цѣлую бурю въ польской избѣ. Большинство пословъ считали инструкцію шляхты краковскаго воеводства крайне неосторожной; указывали на то, что при такой инструкціи дѣла въ государствѣ могутъ совсѣмъ остановиться, если литовцы откажутся отъ унії; они указывали далѣе,

¹⁾ Ibidem, p. 246.

²⁾ Ibidem, p. 272.

³⁾ Ibidem, p. 278.

⁴⁾ Vol. Leg., II, 643, стр. 638.

⁵⁾ Bibl. ord. Kras., 1863, 43.

⁶⁾ Ibidem, p. 71.

на то, что магнаты литовскіе тормозятъ унію въ виду неурядицы въ самой Польшѣ, почему необходимо спѣшить съ устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе послы съ уніей больше торопились, чѣмъ съ устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Въ засѣданіи того же 26 января они выбрали особую комиссію для архивнаго обслѣдованія уніи — разсмотрѣнія старыхъ документовъ, подтверждающихъ ее²⁾. Историческая постановка вопроса на сеймѣ 1564 г. показала, что польскіе дипломаты нашли въ архивахъ только то, что имъ было нужно, — привилеи конца XIV и начала XV в., благоразумно не вдаваясь въ разысканія временъ Сигизмунда Стараго и Казимира Ягайловича.

Поспѣшность, съ какой выковывалась унія, выразилась и въ проектѣ сеймовой конституціи: послы требовали назначенія общаго сейма на Пасхѣ того же 1565 г., а послѣднія засѣданія сейма относятся къ концу марта. Противъ такой поспѣшности возражала рада въ лицѣ архіепископа гнѣзненскаго. Онъ указывалъ на невозможность собрать общій сеймъ въ столь короткій срокъ, потому что король долженъ лично побывать въ Литвѣ и сложить тамъ предварительный сеймъ; Литвѣ слѣдовало бы прежде покончить съ войной, наконецъ, и древніе документы еще не разсмотрѣны³⁾.

Послы не были довольны такого рода заявленіями. Они указывали на то, что надо Литву заставить соединиться съ Короною до окончанія войны съ Москвой, потому что по минованіи опасности Литва снова уклонится отъ уніи: она соглашается изъ необходимости. Окончаніе войны — срокъ, находящійся не въ рукахъ человѣческихъ: и экзекуція и унія могутъ ускользнуть за это время. Вообще съ общимъ сеймомъ необходимо торопиться еще въ виду будущей элекціи, такъ какъ здоровье короля сомнительно. Въ этомъ смыслѣ послы изложили свое мнѣніе королю и панамъ черезъ Якова Остро-рога⁴⁾. И король и воты (голосованія) рады были противъ сложенія сейма въ томъ же году, указывая на фактическую невозможность по краткости времени⁵⁾. Послы должны были примириться съ отсрочкою, и король уѣхалъ въ Литву.

На предыдущихъ сеймахъ были сдѣланы всѣ подготовительныя работы къ уніи. Литовское посольство, прибывшее на сеймъ 1565 года, проситъ короля поторопиться отъѣздомъ въ Литву въ виду военного времени; оно ведетъ переговоры съ коронною радою о помощи противъ Москвы, не отказываясь принципиально отъ переговоровъ объ уніи и вообще поступаетъ весьма мягко въ этомъ щекотливомъ вопросѣ⁶⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, назначенный сеймъ въ Люблинѣ лѣтомъ 1566 г. повелъ къ официальнымъ переговорамъ объ уніи. Поляки засѣдали въ Люблинѣ, литовцы — въ Брестѣ. Отсюда литовскій сеймъ посылалъ своихъ депутатовъ въ Люблинъ. Литовцы предлагали дружбу на слѣд. условіяхъ: общій выборъ общаго государя; общіе враги и

¹⁾ Ibidem, p. 82.

²⁾ Ibidem, p. 81.

³⁾ Ibid., 225—226.

⁴⁾ Ibid., 229—231.

⁵⁾ Ibid., 232—233.

⁶⁾ Ibid., 290—292.

друзья, общіе сеймы, собирающіеся поочередно то въ Польшѣ, то въ Литвѣ; другого рода постановленія не должны издаваться, потому что они не соотвѣтствуютъ достоинству обоихъ народовъ, и поляки даже должны дать обѣщаніе не пытаться дѣлать нововведеній въ договорѣ. Такимъ образомъ предлагался литовцами только союзъ и персональная унія, между тѣмъ какъ литовскіе законы, управленіе, границы — оставались неприкосновенными и даже предварялась всякая попытка къ измѣненію договора¹⁾. Въ такой формѣ сообщаетъ суть предложеній литовцевъ Кояловичъ, и его извѣстіе подтверждается другими данными. Литовцы теперь уже не довѣряютъ и королю. Они послали на сеймъ въ Люблинъ своихъ депутатовъ для переговоровъ съ радюю; но эти депутаты не имѣли никакихъ полномочій. Мало того, депутаты вели переговоры прямо съ коронной радюю, помимо короля. Послѣдній упрекаетъ литовскій сеймъ въ томъ, что ихъ проектъ уніи не былъ доложенъ ему, увѣряетъ сеймъ въ своей „звыклой милости“ ко всему „пожиточному“ для Литвы. Изъ Люблина поляки посылаютъ депутатовъ въ Брестъ, хотя король совѣтуетъ литовцамъ пріѣхать всѣмъ вмѣстѣ въ Люблинъ, гдѣ и самъ король; онъ увѣряетъ, что цѣль уніи — братскій союзъ. Послѣ всѣхъ увѣреній въ „звыклой милости“ и въ желаніи братскаго союза народовъ, король не забылъ въ постскриптумѣ сообщить литовцамъ, что татары собираются сдѣлать нападеніе на Литву²⁾. Такъ писалъ король литовцамъ 21 іюня; литовскій отвѣтъ полякамъ былъ полученъ въ началѣ августа. Несогласіе литовцевъ не помѣшало, однако, королю заявить отъ своего имени и отъ имени коронной рады посламъ, въ засѣданіи 27 іюня, о полномъ будто бы согласіи Литвы на унію. Король не можетъ назначить числа, когда будутъ литовцы въ Люблинѣ, но онъ знаетъ навѣрное, что они прибудутъ скоро, безъ замедленія. Король совѣтуетъ сейму заняться текущими дѣлами, которыя все откладываются, а онъ исполнитъ по поводу уніи то, что обѣщаль³⁾. Сеймъ Люблинскій кончился ничѣмъ, разбившись объ упорство обѣихъ сторонъ. И Сѣннинскому снова пришлось упрекать, въ концѣ сейма, короля въ томъ, что сеймовыя дѣла остановились, потому что нѣтъ чиновъ Литвы, Инфлянтъ и Пруссавъ, и снова напоминать королю объ его обѣщаніяхъ⁴⁾.

III.

Знакомствомъ съ сеймомъ 1566 г. заканчивается та часть нашей задачи, которая касается отношеній поляковъ къ вопросу объ инкорпораціи Литвы. Но намъ слѣдуетъ обратиться и къ Литвѣ и намѣтить ея отношеніе къ тому же вопросу. Это, однако, не легко сдѣлать, потому что источники весьма скудны. Единственнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ могутъ служить конституціи сеймовъ. Но въ сеймовой конституціи мы не найдемъ всѣхъ мотивовъ того или другого постановленія консти-

¹⁾ Wiuk Kojalowicz, op. cit. 471—3.

²⁾ А. Ю. З. Р., I, p. 159—162. Ср. донесеніе коронныхъ пословъ, Broel-Plater, Zbiór pamiętnikow, II, p. 15.

³⁾ Метр. М. А. М. Ю., Кн. Н. Д., № 66, лл. 16 об.—17.

⁴⁾ Ibid., л. 101.

туція — своего рода призма, сквозь которую приходится разсматривать теченія общественной жизни; дневники литовскихъ сеймовъ, подобные польскимъ, — неизвѣстны.

Мы видѣли, что первый въ правленіи Сигизмунда II толчокъ къ разработкѣ вопроса объ уніи былъ данъ той партіею польской посольской избы, которая хотѣла собраться съ литовцами на общій сеймъ для обсужденія *communis mali*.

Но здѣсь является вопросъ, были ли въ Литвѣ элементы, сочувствіе среди которыхъ надѣялась встрѣтить польская шляхетско-демократическая партія. Въ Литвѣ несомнѣнно была соотвѣтственная партія. Она развивалась одновременно съ польской, и программы обѣихъ имѣютъ много общаго. Это зависитъ отъ общности условій въ исторіи обоихъ народовъ. Какъ и Польшѣ, Литвѣ не было чуждо реформаціонное движеніе; въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, мелкая шляхта далеко не пользовалась всею суммою правъ, ей предоставленныхъ, и вступаетъ въ борьбу съ панами. Эти два направленія, т.-е. борьба съ панами и реформаціонное, выразившіяся въ борьбѣ съ духовенствомъ и магнатами, отразились и въ литовскихъ источникахъ. Такъ какъ оба вопроса, за исключеніемъ отчасти реформаціи, не изучены, то мы укажемъ на важнѣйшія относящіяся къ нимъ данныя.

Необходимо имѣть въ виду, что движеніе среди низшей шляхты начинается по крайней мѣрѣ съ конца правленія Сигизмунда Стараго. Это ясно сказалось на послѣднемъ, собранномъ имъ лично, Брестейскомъ сеймѣ въ 1544 г. Здѣсь шляхта просила короля, чтобы духовнымъ греческаго и латинскаго закона запрещено было занимать гражданскія должности, хотя король не далъ рѣшительнаго отвѣта¹⁾. Здѣсь же мы видимъ и попытку ограничить церковную юрисдикцію²⁾. Сеймъ 1547 г. идетъ нѣсколько дальше, требуя удаленія духовенства изъ свѣтскихъ судовъ³⁾, наконецъ требуетъ участія духовныхъ въ земской службѣ съ ихъ имѣній и чтобы они не держали по нѣскольку церквей или костеловъ⁴⁾; вопросъ о церковной юрисдикціи былъ повторенъ⁵⁾. Та же тенденція проходитъ и черезъ рядъ просьбъ сеймовъ 1554 и 1559 гг.⁶⁾.

Требуя уступокъ отъ духовенства, шляхта не забывала и о привилегіяхъ пановъ. На сеймѣ 1544 г. шляхта обращается къ господарю съ рядомъ жалобъ на воеводу и старостъ, по поводу „кривдъ“ при отправленіи ими правосудія, и господарь отвѣчаетъ довольно мягко⁷⁾. Шляхта требуетъ, чтобы при воеводахъ на судахъ сидѣли присяжные засѣдатели изъ шляхты⁸⁾. На сеймѣ 1547 года шляхта уже требуетъ установленія контроля съ своей стороны въ сборѣ и расходываніи панами земскихъ финансовъ⁹⁾, и снова поднимаются жалобы на судъ старостъ и воеводу¹⁰⁾. Последующіе сеймы

¹⁾ Działyński, Zbiór praw litewskich, p. 405.

²⁾ Ibidem, p. 408.

³⁾ A. Z. P. III, p. 11.

⁴⁾ Ibidem, p. 29.

⁵⁾ Ibidem, p. 30 (ар. 21) и p. 37 (ар. 12).

⁶⁾ Ibidem, p. 56 (ар. 14), 60 (ар. 26), 63 (ар. 15), p. 101 (ар. 4), 125 (ар. 16).

⁷⁾ Działyński, op. cit., p. 412—419.

⁸⁾ Ibidem, p. 411.

⁹⁾ A. Z. P., III, p. 7.

¹⁰⁾ Ibidem, p. 8.

тоже не проходятъ молчаніемъ недостатковъ дѣятельности магнатовъ и ихъ отношеній къ низшей братьѣ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видѣли, что и литовская шляхта, подобно польской, ведетъ борьбу на два фронта, — и не безуспѣшно, потому что она добивается и установленія повѣтовыхъ сеймиковъ (собственно — большей ихъ независимости), и уравненія правъ шляхты обѣихъ религій и правъ греческаго духовенства и нѣкот. друг. Этотъ краткій обзоръ сеймовыхъ просьбъ литовско-русской шляхты показываетъ, что успѣхи политическаго роста ея въ шестидесятихъ годахъ XVI в. нельзя объяснять ни религіозною терпимостью короля²⁾, ни желаніемъ послѣдняго задобрить шляхту и склонить ее къ уніи³⁾. Между тѣмъ такія объясненія предлагаются иногда даже лучшими изслѣдователями. Шляхетскія привилегіи шестидесятихъ годовъ — только слѣдствія того религіозно-политическаго движенія въ средѣ низшей шляхты, которое началось еще въ сороковыхъ годахъ; уступки получались медленно, и греть вѣка, прошедшая въ борьбѣ, дала наконецъ благоприятные результаты. А движеніе началось еще тогда, когда самъ король боялся уніи. Шляхетскіе привилегіи представляютъ — повторяемъ — слѣдствіе естественнаго роста литовско-русской шляхты; великій князь литовскій былъ въ половинѣ XVI в. дѣдичъ и отчичъ Литовской земли только въ тѣхъ привилегіяхъ, которые выставляли на видъ польскіе дипломаты; въ дѣйствительности же литовскій государь былъ сильно ограниченъ сеймомъ и радою.

Всѣ эти признаки указываютъ на существованіе въ Литвѣ передовой партіи, на которую могли бы рассчитывать поляки. Впрочемъ и сами поляки не сомнѣвались въ томъ, что низшая шляхта въ Литвѣ сочувствуетъ имъ. Въ засѣданіяхъ посольской избы короннаго сейма не разъ выяснялось, что въ Литвѣ есть сочувствующая уніи партія. На сеймѣ 1565 года послы прямо указывали, что унія уже „условлена“, но ей противятся литовскіе магнаты; одни литовскіе посольства соглашались на унію, другія — нѣтъ. Унія могла бы пойти скорѣе, — говорили тогда — если бы сами поляки принялись за экзекуцію правъ, — очевидно, тогда въ Литвѣ увеличивалась бы партія ихъ сторонниковъ⁴⁾. Оказывается, что литовское рыцарство на Бѣльскомъ и Парчовскомъ сеймахъ высказывало желаніе поскорѣе заключить унію несмотря на сопротивленіе пановъ⁵⁾.

И этимъ заявленіямъ, исходившимъ отъ польскихъ пословъ, нельзя, въ извѣстной мѣрѣ, не довѣрять. Представители шляхты подляшскихъ повѣтовъ въ 1565 г. на сеймѣ въ Вильнѣ прямо просятъ короля объ уніи съ Короной⁶⁾. Люблинскій сеймъ 1569 года представляетъ достаточно примѣровъ розни между высшими и низ-

¹⁾ Ibidem, p. 27, 39 (ар. 5), p. 102 (ар. 6).

²⁾ См. ст. Прохаски, *Kwart. Histor.*, 1896 г., III, p. 529.

³⁾ Напр. см. Малышевскій въ „Холмской Руси“, изд. Батюшковымъ, p. 122. Н. П. Дашкевичъ, *Замѣтки по ист. лит.-р. госуд.*, 162.

⁴⁾ *Bibl. ord. Kras.* 1868, p. 82.

⁵⁾ Ibidem, p. 83.

⁶⁾ М. Довнаръ-Запольскій, *Докум. Моск. Арх. Мин. Юст.*, т. I, 185.

шими шляхетскими классами въ Литвѣ¹⁾. Когда началась присяга уніи, подляшская и волынская шляхта далеко не вся неохотно шла присягать²⁾, а рыцарство Берестейскаго повѣта прямо приказало своимъ посламъ не возвращаться съ сейма безъ уніи въ той или другой формѣ³⁾. Самъ Люблинскій сеймъ представляетъ собою словесный турниръ скорѣе между поляками и литовскою знатью, чѣмъ съ литовскою посольскою избою. Король несомнѣнно въ послѣдніе годы сочувствовавшей уніи, созывая посольства на сеймъ, видимо полагался исключительно на ту же мелкую шляхту. Слѣдуетъ только всмотрѣться въ разсылавшіеся имъ универсалы. Господарь обращался къ шляхтѣ, демократизованной въ повѣтахъ отъ вліянія магнатовъ, убѣждая ее послать на сеймъ представителей, уполномоченныхъ на заключеніе уніи. — И шляхта выслала соотвѣтственныхъ пословъ⁴⁾.

Но кромѣ демократическихъ тенденцій литовской шляхты, надо не забывать и того критическаго положенія, въ которомъ находилось государство въ моментъ уніи. Принявъ подъ свое покровительство Ливонію, Литва взяла на себя непосильную задачу. Защитницѣ Ливоніи приходится просить поддержки у Польши. Въ тяжелую минуту литовскіе дипломаты отправляютъ посольство на коронный сеймъ 1565 г. Послы, Остафій Воловичъ и Янъ Шишковичъ, просятъ короля пріѣхать въ княжество, истощенное войной и податями. Передъ короннымъ сенатомъ послы рисуютъ всю грозящую Литвѣ отъ Москвы опасность, просятъ совѣта и помощи, напоминаютъ о бывшей дружбѣ обоихъ народовъ; послы выражаютъ готовность сѣхаться съ поляками на общій сеймъ для утвержденія единенія между Литвой и Короной, — только бы отбиться отъ непріятеля⁵⁾. Прими война другой оборотъ, — можетъ быть, всѣ эти завѣренія братскихъ чувствъ были бы припрятаны литовской радой до слѣдующихъ критическихъ обстоятельствъ. Но если литовцы были неискренни, то ихъ политическое искусство разбилось о два обстоятельства: упорство Москвы и стойкость польскаго сейма, не дававшего согласія на подати для московской войны до заключенія уніи. Какъ бы то ни было, но внѣшнія обстоятельства не могли не вліять на увеличеніе среди литовцевъ сторонниковъ уніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1566 году послы окраиннаго воеводства Витебскаго напоминаютъ королю объ уніи⁶⁾, а въ 1567 г. сеймъ снова постановилъ обратиться за помощью къ полякамъ⁷⁾.

Такимъ образомъ можно отмѣтить въ Литвѣ существованіе такой партіи среди средней и низшей шляхты, которая по своимъ политическимъ убѣжденіямъ соотвѣтствовала шляхетско-демократической партіи въ Коронѣ. Нельзя опредѣлить количественнаго значенія этой партіи въ Литвѣ, трудно также сказать, какія причины побуждали ее къ уніи съ Польшей; болѣе или менѣе опредѣленные попытки со

¹⁾ Дневникъ Люблинскаго сейма въ изд. Кояловича.

²⁾ Арх. Сб. Вил. VII, р. 40—44.

³⁾ Ibidem, р. 40.

⁴⁾ Кн. Дѣлъ Публ. Лит. VII (А. М. Ю).

⁵⁾ Bibl. ord. Крас., rok 1868, р. 290—292.

⁶⁾ М. Довнаръ-Запольскій, *ibidem*, т. I, 200.

⁷⁾ Ibidem, р. 460.

стороны Литвы къ уніи сказываются только въ послѣднее пятилѣтіе, когда демократическіе элементы въ коронномъ сеймѣ не такъ уже были сильны, когда сама Литва находится въ совѣмъ особыхъ политическихъ условіяхъ. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ почти полнымъ отсутствіемъ источниковъ, препятствуютъ сдѣлать болѣе точное представленіе о настроеніи литовскихъ партій. Столь же скудны и источники, касающіеся мнѣній партіи литовскихъ магнатовъ, вообще бывшихъ противъ уніи. Въ перепискѣ короля съ канцлеромъ Николаемъ Радивиломъ вопросъ объ уніи поднимался довольно часто, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошли письма, а слѣдовательно и доводы самого Радивила; отвѣты же короля весьма кратки. Между тѣмъ оба Радивилы, воевода виленскій и воевода троцкій, были представителями той партіи, которая стремилась отстоять самостоятельность Литвы. Незадолго до уніи воевода виленскій Николай Радивиль въ письмѣ къ королю весьма рѣзко выражался объ уніи, считая ее неволей, хотя король увѣряетъ канцлера, что унія ведетъ къ свободѣ¹⁾; Радивиль, если и признавалъ унію, то такую, при которой „рука бы руку мыла“, т.-е. союзъ двухъ государствъ²⁾. Такимъ образомъ, литовская знать стояла на почвѣ прежнихъ традицій, съ которыми мы уже знакомы,

Таковъ былъ подготовительный процессъ уніи, увѣнчавшій зданіе, надъ которымъ работала польская политическая мысль съ конца XIV в. Ошибочно было бы искать въ этомъ процессѣ единой причины, заставившей оба народа подписать знаменательный актъ. Вполнѣ понятны желанія поляковъ — они высказывали ихъ многократно и въ официальныхъ актахъ и въ сеймовыхъ рѣчахъ. Но литовцы именно и боялись возможности „втѣленія“ Литвы къ Коронѣ; сопротивляясь полякамъ въ дѣлѣ уніи, нарушая трактаты, они лишь оберегали свой суверенитетъ. Съ половины XVI в. настроеніе партій обоихъ народовъ мѣняется: демократизація шляхты и религиозное единеніе въ духѣ протестантизма становятся идеалами наиболѣе энергичной части дворянства. Обѣ демократическія партіи готовы протянуть другъ другу руки, оставалось выработать только условія единенія.

Трудно сказать, успѣли ли бы шляхетскіе дипломаты покончить съ вопросомъ объ уніи, если бы на востокѣ не появились грозныя тучи. Онѣ сдѣлали поляковъ настойчивѣе, а литовцевъ уступчивѣе. Но надо отдать справедливость послѣднимъ, что они уступали въ очень немногомъ, сравнительно съ аппетитомъ наиболѣе требовательныхъ польскихъ партій: если оставить въ сторонѣ потерю Волыни и Украйны, то надо сказать, что достоинство государства литовскаго было охранено. Въ числѣ факторовъ, способствовавшихъ уніи, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одного: долгое культурное общеніе обоихъ народовъ играло не послѣднюю роль въ дѣлѣ.

Но дѣло уніи приметъ совѣмъ другой оборотъ, если задаться вопросомъ о томъ, было ли необходимо ея заключеніе въ данный моментъ, или же литовцы и король,

¹⁾ Lachoiwcz, Pamiętniki do dz. polskich, 1842, p. 206—207, ср. 218—219, 238—239, 244.

²⁾ Ibidem, 246.

своимъ согласіемъ, заключили актъ, который оправдать не можетъ исторія. Если принять въ расчетъ, что среди татаръ и Москвы Литва дѣйствительно была безъ Польши одинока, если вспомнить о наступавшемъ прекращеніи династіи, то подобнаго политическаго шага нельзя не оправдать: дѣло шло не о потерѣ одной или другой провинціи, самостоятельныхъ титуловъ или государственной печати, а о возможности потери самостоятельности или о такихъ бѣдствіяхъ, которыя могли привести государство на край гибели. Дѣло другое, что послѣдующее время не оправдало ожиданій сторонниковъ уніи: Баторій оправдалъ ближайшія надежды, но предвидѣть отдаленное будущее было не легко. Неполнота практическихъ результатовъ уніи заключается не въ томъ также, что она, по заявленію польскаго историка, не была доведена до конца, т.-е. Литва не присоединена къ Коронѣ вполнѣ и — главное — унія политическая не сразу и не вполнѣ соединилась съ религіозной¹⁾. Но думать такъ — это значитъ закрывать глаза на всѣ темныя стороны послѣдующей исторіи: вѣдь и унія религіозная была выполнена, но она-то и явилась однимъ изъ тѣхъ разрушающихъ элементовъ, которые подточили стройное зданіе польско-католической политики. Нѣтъ, не унію религіозную надо было выдвигать польскимъ политикамъ, а полное равенство религій; не религіозная унія нужна была, а полная терпимость въ религіозномъ, нравственномъ и политическомъ смыслѣ. Въ томъ-то и бѣда, что на Украинѣ и Волыни поляки довели унію до желательной для нихъ полноты, и результаты ихъ дѣятельности не замедлили именно здѣсь отразиться въ возстаніи казаковъ. Если можно, и даже должно, съ политической точки зрѣнія оправдывать унію 1569 года, то религіозное завершеніе ея было несчастной утосей, которая подточила польское государство.

Но если оставить въ сторонѣ послѣдующія событія, если посмотрѣть на почти двухвѣковую работу польской политической мысли, то нельзя не изумляться ея настойчивости.

Русскіе историки, ослѣпленные національными чувствами, не отдають должнаго польской мудрости, когда говорятъ объ уніи; какъ бы ни неприятно было намъ вспоминать о печальномъ прошломъ, но нельзя не воздать должнаго политикамъ, XIV в., задумавшимъ грандіозный политическій планъ, и преемникамъ ихъ, съ такой настойчивостью его проводившимъ. И когда задумываешься о томъ, кому бы изъ поляковъ могла принадлежать въ XIV в. идея уніи, то на мысль поневолѣ приходитъ гигантъ-король Казимиръ Великій: исторія не обладаетъ, къ сожалѣнію, данными, чтобы приписывать эту идею ему, но она такъ достойна великаго короля, что жаль — говоря словами польскаго историка — приписывать ее кому-нибудь другому²⁾.

М. Давнаръ-Запольскій.

¹⁾ Anat. Lewicki, Nieco o unii Litwy z Koroną. Kr. 1893, p. 18—19.

²⁾ Ibidem, p. 25.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

1. Справа Богуша маршалка и писаря господара короля его милости у Вилни, коли ездил панъ воевода подляшский, маршалокъ и секретарь панъ Иванъ Сопѣга до Лифлянтъ в поселстве отъ короля его милости, месеца марта 2 день, индиктъ 2 (1514 г.).

Поселство отъ прелатовъ и пановъ рада великого князства Литовского духовныхъ и светскихъ до прелатовъ и пановъ духовныхъ и светскихъ рады Коруны Польское паномъ Александромъ Ходковичомъ, маршалкомъ, а княземъ Щепаномъ, деканомъ и секретаремъ.

Прелати и панове рада великого князства Литовского вашей милости братьи своей милой прелатомъ и паномъ радамъ Коруны Полское велѣли ся поклонити, братскую приязнь а поздоровене и всего доброго помножене казали вашей милости повѣдти.

Прелати и панове рада великого князства Литовского всказали ку вашей милости братьи своей: Што есмо перво сего ку пану нашему королю его милости и великому князю Жикгимонту, а ку вашей милости братьи нашей посылали братью нашу воеводу полоцкого и старосту билского пана Олбрахта Мартиновича Бгаштовича и маршалка господарского пана Александра Ходкевича и черезъ нихъ усказывали есмо к вашей милости, объявляючи пригуду жалобливую, которая ся намъ в небытности пана нашего короля его милости стала на панство его милости великое князство Литовское, ижъ неприятель его милости великий князь Московский, забывши Бога и вѣры, и чты, и присеги своее, безъ жадное причины неотповедне вторгнулъ в панство его милости великое князство Литовское самъ своею парсуною и зъ братью своею, замки его милости королевского майстату облегъ, мѣста его милости и села попалилъ и крови христьянское не мало пролилъ.

И черезъ тыхъ же пановъ братью нашу всказывали есмо вашей милости, жадаючи, алибы ваша милость, братья наша, бачачи таковую пригуду нашу и навалность на тое панство, намъ были и радни и помощни напотивно тому неприятелеви королевского майстату.

Прелати и панове казали вашей милости мовити: Ваша милость, братья наша, черезъ тыхжо пановъ братью нашу рачили намъ отповѣдь вчинити: напервей, велико

жалуючи тое пригоды жалобливое, которая жь ся намъ и панству господаря нашего короля его милости великому князству Литовскому стала отъ неприятеля его милости великого князя Московского, ижъ ваша милость не мнѣй того жалуете, але такъ, какъ бы, его жь Боже не дай, въ Коруне пригодило; а к тому естли бы тотъ неприятель королевского майстату не хотель умыслу своего повстягнути, а предся хотиль великое князство Литовское его милости господаря нашего шкодити и жечи, тогда ваша милость на онъ часъ с королемъ его милостью паномъ нашимъ милостивымъ мѣли ся порозумѣти и радити, яко бы немешканый отпоръ тому ся неприятелеви вчинити. И тежъ въ тыхъ то пригодахъ нашихъ прирекли ваша милость посполу з иншими паны братею своею порозумевши, помочъ намъ вчинити, колко можность ваше милости знести можетъ. И в томъ же отказе припомянули ваша милость на братю свою о стародавныи списы, абы были потвержены и вставены и в певности зражоны межи Коруну Польское и великого князства Литовского, бо коли ся в томъ большая ласка и милость певнейшая заховаеть, тымъ з обудву сторонъ будетъ оборона пожиточнѣйшая тымъ то обويمъ панствамъ.

Прелати и панове рада великаго князства Литовского казали вашей милости, брати своей, высоце дяковати, ижъ ваша милость тое пригоды ихъ милости жалобливое жалуете немнѣй, але какъ сами своее. А штося дотычетъ помочи ваше милости напротивку тому неприятелеви королевского майстату, якосте ваша милость прирекли, хотячи намъ брати своей помочъ вчинить, где жь ихъ милость передъ тымъ и тыми часы въ приреченю помочи вашей милости утаена николи не мѣли.

Прелати и панове казали вашей милости повѣдити: какъ же тотъ неприятель королевского майстату умыслу своего не отменяючи самъ своею парсуною со всеми своими войски того лѣта минулого замковъ его милости украинныхъ добываль и не малый часъ подъ тыми замки стояль, хотечи ихъ на голову добыти и панство его милости карячи, какъ же милый Богъ не даль ему хотения — воли его наполнити, ижъ пошолъ отъ тыхъ замковъ господаря нашего короля его милости съ соромотою своею и з великимъ впадомъ и шкодою.

Прелати и панове рада указали вашей милости, напоминаючи и жадаючи вашей милости брати своей милое, ижъ бы ваша милость подле приреченя своего а к тому вбачивши и впомянувши стородавный звычай и приязни, помочи, которую ж Коруне Полской за предковъ королевского майстату и за его милости щасного панованья господаря нашего продкове наши и дяди и братья, не рекучи пенязную помочъ, чинили але сами своими перьсунами немалыи везене терпели, которое жь помочи Корун, Польская славныи почестности и пожиточное и до того часу естъ одержала, какъ же снатъ и мы тыхъ часовъ минулыхъ завжды у пригодахъ ваше милости были, бымы вашей милости помочи и ваша бы милость брата наша, бачечи нинешнюю нашу потребу, также намъ помочъ безумешканую вчинить мели безъ жадное вымовы, не откладаючи того на инший часъ, какъ же потреба а часъ тому вже вказуетъ; бо вѣдаете ваша милость, брата наша, сами, ижъ панства господаря нашего короля его милости великое князство естъ ворота всему хрестиянству, Боже того не дай, естли бы ся которая шкода, або впадъ тому панству стала, тогда ся нать ижъ съ труднѣйшимъ

тая помощь вашей милости мяла бы ку пожитку прийти какъ намъ, такъ и вашей милости, братья нашей. Гдѣ мы ваше милости, брати нашей вѣримъ, ижъ ваша милость намъ в нинешнюю нашу пригуду напередъ маючи взглядъ на майстатъ пана нашего милостивого, короля его милости а к тому на невинного кровопролите а хрестиянское помощь намъ безумешканую а скорую вчините, какъ же мы суполную надѣю маемъ у справедливости Божей, ижъ тотъ неприятель его милости несправедливе ту валку почаль ку большой своей шкоде и виаду, а королевскому майстату, дали Богъ, ку вышшой и доброй славе а ку потешеню всехъ хрестиянскихъ панствъ. А коли ваша милость братя, наша намъ в нинешнюю нашу пригуду будете помощни, мы также тою жъ мѣрою завжды въ часъ пригоды ваше милости хочомъ вашей милости, братья нашей быти радни и помощни.

Прелати и панове рада казали вашей милости мовити: Штось дотычетъ стародавнихъ списовъ и доброго впевне зраженя тыхъ обоихъ панствъ, о чомъ жо ваша милость и намъ усказывали, ихъ милость, бачечи нынешнии пригоды и валки на тое то панство, ширей того не могли ку вашей милости на тотъ часъ всказати, але коли будетъ того часъ а покой ихъ милость порозумене оземши с княжати и паняты и з землями, которыи суть привлацоны ку панству господаря нашего великому князству Литовскому, хочють за вашою милостью тыхъ записовъ и слушного зраженя вчинити и потвердити, какъ бы было на обе стороне ровно безъ пониженя чти обоихъ панствъ, какъ Коруну Полское, такъ великого князства Литовского.

Отказъ пановъ радъ Коруну Полское посломъ великаго князства Литовскаго пану Александру Хоткевичу, маршалку, а князю Щепану, декану.

Княжи, прелати и панове духовнии и свецкии хвалебного королевства Полского зрозумели зуполне поселство от прелатовъ и от пановъ великого князства Литовского, через вашу милость поведалое, въ которомъ жо вспоминали есте братю нашу пановъ радъ панства оного, многии помочы кролевству Полскому дававши.

Сознавають то панове и прелати оныи Коруну, але тежъ сознавають князству дававши немалыи помощи и многии побитья татарскии, естлибы припоманути слушно было посполитымъ войскомъ Коруну и Князства пригожалося и поражены суть татарове въ князстве Литовскомъ, какъ же то передъ двама лѣты з Божье ласки в ономъ князствѣ пригодилося поразити, ку которому дѣлу люди шли с Коруну до панства Великого князства Литовского и тежъ преминулыхъ часовъ противку Московскому, како же вчинили мзенѣ? малою рѣчью Коруну.

А што тежъ въ поселстве вашомъ о едности с Короною толко бы князство от нинешнихъ трудностей и потребъ своихъ отпочинуло бы и жебы добрыми обычаими и безъ легкости обоихъ панствъ докончало бы ся, то заисто немнѣ пожиточно бы было такъ князству Литовскому какъ и Корони, бо через тое розлучене панове литовскии смѣльшихъ неприятелей чынять напротивку собѣ и напротивку насъ.

Въ надѣю тежъ братское милости панове ради Коруну Полское такъ отповѣдаютъ на поселство ваше: то напервей прикладаючи, иже коли бы слушная едность панствъ

тыхъ отъ неприятелей узнана была, заисте такъ мощныхъ силъ злучоныхъ мусили бы ся бояти.

Тежъ панове рада Коруны, убачивши на нинешний часъ тую потребу панствъ великого князьства Литовского, которую жъ впомянули есте въ поселстве вашомъ, приняли на сесь годъ много людей болше тежъ еще, нижли потреба нинейшая Коруны изъ причинъ доводныхъ зъ ласки Божое потребуеть, приймутъ, которымъ людемъ май-стать королевский, гетманы и ротмистры маеть дати и онымъ расказовати.

Хотять тежъ панове рада Коруны дати то на волю королю его милости и жебы его милость людами тыми, посполитыми пѣнзями зъеднаными изъ Коруны, ачъ колве для толко обороны съ Коруны приняты суть и пѣнзяи имъ розданы и дѣла, потребности Коруны были розобраны ку потребе обоюхъ тыхъ панствъ, гдѣ бы большое шкоды было, тамъ тыми людами поживити и тежъ людей тую шкоду боронити обернути рачиль бы его милость не инакъ люди тыи, какъ бы пѣнзяи королевскими бы были изеднаны або наняты.

А коли бы маестать, его Боже вховай, некакою великою и квалтовною потребою тамъ бы былъ утисканъ, многии пановъ рады и рыцгерства Коруны обещалися королю его милости властными своими парсунами помочы а вашимъ милостямъ немнѣ оферуются ко всей доброй воли чинити и указывати подлугъ своее на васъ братской милости, какъ брати и приятелемъ своимъ намилейшимъ, которыхъ ся жадають велми залецоныхъ быти.

(М. А. М. Ю. Метр. Лит. Зап. Кн. VII, лл. 254—258 об.).

2. *Responsum nomine totius senatus ac nobilitatis ducatus Lituaniae super unione et conventionione in limitibus faciendum. Vilna 1551, decembre mense.*

Nayasnyeyszy mylosciwy kroliu! Jako wascha krolewska mosc, nasch miŃcziwi pan, raczil yesth panom radam szwym ych moŃciom panstwa thego wielkiego xiastwa oznaymecz y opowiedzycz przez iego mocz pana podkanczlerzego korunnego y czaszu w thym z lasky szwey ych mocz na rozmyslieny y odpowiedzenye uziczicz okolo złączenya y wezielienya tego panystwa waszey krolewskiej mosci oiczistego wielkiego xiastwa s koroną polską, okolo czego yussz tho po dwa szeymy przeszle korunne napomynali są v. k. m. naschego m. pana panowye rada ich m. y wszitky yne stany koronne, wedlia nijakych spyssov starich szwyęthey pamyęczy przodkow waszey k. m. y thesz przodkow panow rad ych m. y ynich stanow dziszeiszych panistwa tego.

A yz bi ta rzecz ku skutku szwemu dostatecznemu przisla proszili są za to, abi wascha k. m. raczil dlia tego zlozicz kadi przy graniczach syem na ktorich bi panowye radi ich mocz y yne stany oboygа tich panystw spolnye sie ziechaly, a thym spiszom dawnim na wszitkyem execucyą uczynyli za potrzebą obroni spolney a zwlascza od turka, ktori yusz tak sie blisko pod panystwa waschey k. mosczy podszadzyl y polia opanowal.

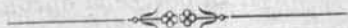
A czo szie dothicze they obroni, kotoz yesth ych m. panom polakom stroni panistwa thego na szeymye przeslem Brzeskiem postapiona y oznaymiona, ze ich moscz na thim przestawacz nieraczą.

Naiasznieyschi milosciwy kroliu! Panowie radi ich moscz znayacz to roskazanye ich mosciów panow korunnich bicz o wielką a wazną rzecz, kotoz nye iedno radam a zdanyu ych m. szamych, abi thosz y wszemu ynemu riczersthwu a stanom panistwa thego naliezi za laską a wolią waszey k. m. opowiedzieli są thę tho rzecz y wszemu riczersthwu, na them dzisieiszem szeymye zebranemu, mlodszy braczy szwey y szamy są okolo tego pylną namowę y radę czynili. Liecz jako ze wszich ynich stanow riczerskich tho wyrozumeli, tak thesz y w szwey radzie, nycz są ynego ich m. nienalezli, ieno tho, ysz w they myerzi tha vina jako ich m. panowie korunny chezą myecz bicz nye moze z wielia przyczyn: y dla oszobliwey dostoinoszy y wolnoszy panistwa thego waszei k. mosczy oicziznego, czego ich m. iako wierna rada waszey k. m. wedlia powynnoszy y przysyag szwoych y zachowanya szwich przodkow, wynny są przistezigacz, yakosz mayą ich m. zupelną wiarę y nadzieię w them o w. k. mosczy panye szwim m., ysz wascha k. m. w thym panistwie szwym jako oicziznem bądzie raczil korziszcz y zachowacz ye w theyze dostoinoszy, wolnoszyach, czaloszcy, iako ye v. k. moscz wziacz raczil z rękę swięthey a nyeszmyerthelney pamyęczy oycza szwego naszego m. pana y thesz wedlia przisiagi szwey, ktorasz w. k. m. pierwey themu tho panystwu szwemu oicziznemu obowiazacz sie raczil. Nyzli kiedi korunye Polskiei okolo czego y stau riczersky a bracza ich m. mlodsza, prozbi y wolią szwą w they tho rzeczy waszei k. mosczy s stroni szwey oszobliwey oblycznye opowiedzą.

Thesz czo szie dothicze obrony spolney, obacziwayacz ich m. wielie ynich wlasznich potrzeb y dolięgliwoszy panistwa thego, y po then czas ynszey obrony panom poliakom braczy szwey postapicz nyemogą, iedno taką yaka yesth uchwalona y ich m. oznaymyona y postapiona, yesze za dobrego zdrowya y szesliwego panowanya oicza w. k. mosczy na szeymye w Brzeszyu przeciwno cheszczowi Tureczkiemu y mayą ich moscz thę wyarę o panyech polaczach ich m. brachei szwey, ze ich moscz, dali Bog, bądą thego po nych wdziaczny.

A gdisz panowie radi ich m. y wszitko ine riczerstwo wyerny poddany waszey k. m. potrebi szwe y panistwa thego, jako okolo obrony, tak okolo ynich potrzeb szwich ziemskich, yusz są therasz thu Wynye na them dzisieiszem szeymye z waszą k. m. panem szwym m. namowyli y postanowyli, thedi ich m. ynich yusz zadnich szeymow any zyezdzana przy granyczach z ich m. pany korunnemy bracją szwą nyepotrzebuyą, any na tho przyzwaliayą, y mayą thę wyarę o waszei k. m. panye szwim m., ysz v. k. m. thich częstich przeiezddek y niepotrzebnich nakladow na thakowe szeymy ziczcz yem poddanem szwem nye bądzie raczil.

(M. Арх. М. Им. Д. Коп. Мерп., Кн. 14, лл. 95—96 об.)

80000000 142390

54329/к

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УНІЯ

Б 54329/к

НА СЕЙМАХЪ ДО 1569 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. В. Довнаръ-Запольскаго.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля,

пржеми. Э. ЛИСНЕРА и Ю. РОМАНА.

Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

1897.

54329/к

54329/к

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УНІЯ

НА СЕЙМАХЪ ДО 1569 ГОДА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. В. Довнаръ-Запольскаго.

МОСКВА.

Типографія Г. Лиснера и А. Гешеля,
прями- Э. ЛИСНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

1897.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ

НА СЛѢДОВАТЕЛЬНОСТИ

(Изъ второго тома Трудовъ Славянской Комисіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.)

СЛАВЯНСКАЯ КОМИССИЯ

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Предсѣдатель Графиня Уварова.

Императорское Московское Археологическое Общество
1891

Польско-литовская унія на сеймахъ до 1569 г.

Историческій очеркъ.

Вопросъ о польско-литовскихъ отношеніяхъ въ послѣднее время усиленно трактуется въ польской исторической литературѣ. Пока подвергалась довольно обстоятельному изслѣдованію унія Литвы и Польши въ древнѣйшее время, до Казимира Ягеллончика. Лучшимъ знатокомъ этихъ отношеній является проф. Левицкій, посвятившій имъ нѣсколько прекрасно выполненныхъ работъ, въ которыхъ при громадной эрудиціи обращаетъ на себя вниманіе свѣжесть данныхъ и свѣжесть изложенія¹⁾. Извѣстный ученый Ант. Прохаска тоже высказался по интересующему насъ вопросу въ статьѣ, посвященной Брестской унії и въ рецензій на одну изъ работъ г. Левицкаго²⁾. Но при богатствѣ эрудиціи обоихъ авторовъ трудно, однако, согласиться съ ихъ конечными выводами. Трудно понять тѣ „блага“, которыя могла принести древнѣйшая унія для Литвы, именно блага культурныя. Польскіе ученые придаютъ большое значеніе внѣшней обстановкѣ унії: нельзя же думать, что полученіе литовцами и русскими польскихъ гербовъ вносило какія-нибудь существенныя улучшения въ отношенія народовъ. Привилегіи прекрасно расписывали права шляхты, но это были лишь дипломатическіе акты, не вносившіе новой струи во внутреннюю жизнь Литвы и Литовской Руси. На шляхетскую вольность, умственное и экономическое развитіе Литовско-Русскаго государства вліяли не привилегіи 1401 или 1413 и др. годовъ, которыя остались мертвою буквою, а совмѣстная жизнь съ поляками втеченіе многихъ лѣтъ. Этимъ привилегіямъ напрасно г. Прохаска придаетъ значеніе какихъ-то свѣточей культуры для Литвы и Руси. Литовско-Русское государство продолжало развиваться на старыхъ русскихъ началахъ, медленно заимствуя у Польши то тѣ, то другіе порядки — и притомъ не всегда изъ лучшихъ. Почти полтора столѣтія истрачено было поляками на то, чтобы въ государственномъ смыслѣ осуществить унію, задуманную въ 1385 г., и осуществить эту идею пришлось имъ среди воплей и проклятій значительной

¹⁾ Ant. Lewicki, Powstanie Swidrigieffy. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Krak. 1892. Его же: Nieco o unii Litwy z Koroną. Krak. 1893.

Его же статья въ *Altpreuss. Monatschrift*, В. XXXI, Н. 1 и 2, 1894 г.

²⁾ Z dziejów unii Brzeskiej. *Kwart. histor.*, 1896, III. Ср. его рецензій, *ibidem*, т. II.

части западно-русского общества. Но и уния 1569 г. не была той идеальной унией, проекты которой въ такомъ обиліи составлялись польскими политиками. Должно было пройти еще по крайней мѣрѣ три четверти вѣка, когда поляки, наконецъ, могли чувствовать себя въ Литвѣ и сѣв.-западной Руси, какъ у себя дома. Но это уже было время агоніи обоихъ государствъ.

Прослѣдить борьбу политической идеи, возникшей такъ рано, при такихъ, казалось, благопріятныхъ условіяхъ, — представляетъ глубокой исторической интересъ. Мы не можемъ слѣдить за ней подробно; наша цѣль — набросать главнѣйшіе моменты этой борьбы двухъ „братскихъ“ народовъ, соединенныхъ одною короною и разединенныхъ болѣе ранними историческими условіями жизни. Указавъ на главнѣйшіе фазисы въ исторіи унии съ половины XV в. до Сигизмунда-Августа, мы перейдемъ къ тѣмъ задачамъ, которыя ставились сеймовыми политиками обоихъ народовъ его времени, когда уния, наконецъ, была заключена.

I.

Припомнимъ, что начало польско-литовской унии было положено въ 1385 г., когда польскіе магнаты пригласили великаго князя литовскаго Ягайлу жениться на наслѣдницѣ польской короны Ядвига и занять польскій престолъ. Введеніе католичества во всѣхъ земляхъ — языческихъ и христіанскихъ — Литовскаго княжества и соединеніе этого послѣдняго съ Польшей были самыми важными сторонами этого союза. Однако дальнѣйшія событія показали, что литовцы были мало склонны къ потерѣ самостоятельности: при Витовтѣ Литва только номинально соединена съ Польшей. Отъ смерти Витовта до приглашенія Казимира Ягайловича на литовскій столъ происходила сильная междоусобная война, въ которой партія, стремившаяся къ независимости Литвы, играетъ крупную роль.

Приглашеніе Казимира Ягайловича на польскій престолъ сразу показало, какъ подозрительно смотрѣли литовцы на своихъ сосѣдей поляковъ, успѣвшихъ заключить въ теченіе полувѣка нѣсколько братскихъ договоровъ. По одному извѣстію вел. кн. Казимиръ предложилъ Литовскому сейму высказаться по поводу своего избранія, такъ какъ самъ князь колебался; дѣло шло о подтвержденіи унии на условіяхъ, которымъ князь и рада Литовскіе не сочувствовали. Литва требовала отъ поляковъ Луцка и Подолія. Съ Литовскаго сейма было послано въ Петроковъ шесть пословъ для переговоровъ¹⁾. Въ свою очередь поляки требовали отъ вновь избраннаго короля на первомъ сеймѣ 1447 г. въ Петроковѣ удержанія Подолія и части Волыни за Польшей²⁾. Лѣтопись сообщаетъ намъ даже о крупныхъ недоразумѣніяхъ, происшедшихъ между магнатами обоихъ народовъ³⁾. Недавно опубликованъ отрывокъ договора Литвы съ Польшей, относимый къ 1446 г.; главными пунктами этого договора является предо-

¹⁾ Хроника Бѣльскаго въ изд. 1834 г., р. 249, т. XIV.

²⁾ Ibidem, р. 9. Długossi, Hist. Pol. (editio 1712 г.), II, 31.

³⁾ Быховець въ изд. Нарбута, р. 57—58. Ср. соображенія гр. Стадницкаго объ этомъ сеймѣ, «Koryjat i Koryjatowicze», Rozprawy i spraw. Ak. U., VII, р. 117—119.

ставленіе Литвѣ „на вѣки“ Луцка, Владимира, Лопатина, Ратно, Ветлы, Олеска и всей Подоліи съ замками; оба народа не должны выбирать государя одинъ безъ другого¹⁾. Но этотъ отрывокъ — или проектъ только уніи, или актъ, выданный поляками въ трудное время съ цѣлью не исполнять его впоследствии²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ въ Люблинѣ 1448 г. литовцы снова домогаются оставленія за Литвой Олеска, Лопатина, Ветель, Городла и всей Подоліи; на томъ же сеймѣ литовцы выставили поправку къ уніи Ягайлы, — что Литва и Польша должны держаться уніи только до тѣхъ поръ пока править ими племя Ягеллоновъ, на что поляки не согласились, ссылаясь на договоры³⁾.

Споры за Подолію и Волынь волновали общество обоихъ народовъ большую половину правленія Казимира. Литовцы уклонялись отъ общихъ сеймовъ съ поляками, посылая къ нимъ на сеймы только пословъ⁴⁾. Такъ они отдѣлялись отъ Парчовскаго сейма 1453 года, хотя на немъ литовскіе послы вступили въ пренія съ поляками⁵⁾. Нерѣшительная защита великимъ княземъ литовскихъ интересовъ вызвала даже заговоръ, цѣлью котораго было низверженіе Казимира съ литовскаго престола и возведеніе на него Симеона Олельковича⁶⁾. Господарь пощадилъ заговорщиковъ, потому что они были сильны. Черезъ пять лѣтъ (1461 г.) послѣ заговора на сеймѣ въ Вильнѣ литовскіе вельможи уже открыто предъявляютъ вел. князю дилемму: или жить въ Литвѣ (поляки какъ разъ требовали, чтобы король поменьше увлекался охотою въ литовскихъ лѣсахъ), или дать Литвѣ князя въ лицѣ того же Симеона. Казимиръ уклонился отъ отвѣта и отправился въ Польшу⁷⁾. Вопросъ о Подоліи и Волыни между тѣмъ такъ обострялся, что въ 1463 г. на сеймѣ въ Петроковѣ литовскіе послы подкрѣпляли свои требованія угрозой войны. Поляки послали своихъ пословъ на сеймъ въ Вильну, переговоры кончились ничѣмъ и король отложилъ дѣло до „общаго сейма“⁸⁾. Но этого общаго сейма пришлось ждать сто лѣтъ, потому что устроить общіе сеймы въ Парчовѣ и потомъ въ Ломжѣ не удалось⁹⁾. Что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ Казимирова правленія, единеніе между обоими народами не было прочно, показываетъ между прочимъ и то, что литовскіе паны еще разъ дѣлали попытку получить отдѣльнаго князя, такъ какъ просили въ 1478 году великаго князя и короля дать имъ княземъ одного изъ своихъ сыновей¹⁰⁾.

¹⁾ Monumenta medii aevi, t. XIV, Codex epistolaris, t. III, p. 7.

²⁾ Такова основная мысль г. Левицкаго, ст. въ Rozprawy wydz. hist.—filozof. Akad. Krak., t. XX.

³⁾ Бѣльскій, 10—12. Dęgossi, op. c., 37—38.

⁴⁾ Споръ за Подолію разсмотрѣнъ въ трудѣ гр. Стадницкаго «Koryjat Gedyminowicz i Koryjatowicze», Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydz. hist.—fil. Akademii Umiejętności, t. VII, p. 107 и слѣд.

⁵⁾ Бѣльскій, кн. XVI, p. 37—8. Dęgossi, op. c., 110, 111.

⁶⁾ Бѣльскій, 71. Стрыйковскій, хроника въ изд. 1766 г., p. 602.

⁷⁾ Бѣльскій, т. XVI, p. 103.

⁸⁾ Ibidem (кн. IV), p. 124—5.

⁹⁾ Ibidem, 141.

¹⁰⁾ Ibidem, кн. XVI, p. 9.

Смерть Казимира развязала литовцамъ руки. Не ожидая „согласія и совѣта“ своихъ союзниковъ, они выбираютъ на великое княженіе Александра. Не трудно видѣть, какая партія стремилась къ обособленію Литвы. Вспомнимъ, что литовскіе вельможи дважды поднимали вопросъ о возведеніи на великокняжескій престолъ одного изъ русскихъ удѣльныхъ князей — Симеона Олельковича. Русское же удѣльное князье посѣшило съ выборомъ Александра. На Виленскомъ сеймѣ 1492 г. выбрали князья Василиій и Михаилъ Глинскіе, князья Гольшанскіе, Гедройцскіе, Мстиславскіе и ^{Симеонъ} Михаилъ Олельковичъ, явившійся на сеймъ съ пятьюстами всадниковъ — молчаливыхъ, но надежныхъ голосовъ¹⁾. Есть правдоподобное извѣстіе, что были голоса и за самого Олельковича (Стрыйковскій). Если такъ, то въ избраніи Александра Казимировича нельзя не видѣть извѣстнаго компромисса между литовской и русской партіями крайняго направленія. При сажаніи в. князя на столъ Хребтовичъ сказалъ отъ имени пановъ рѣчь, которой если не отдѣльныя выраженія, то общій тонъ подходитъ къ даннымъ обстоятельствамъ, почему къ ней можно питать извѣстную долю довѣрія. Хребтовичъ напоминалъ новому господарю Литвы, чтобы онъ при управленіи руководствовался не волошскимъ, чешскимъ или нѣмецкимъ обычаемъ, но истинно литовскимъ и Витовтовымъ — напоминаніе, вполне обрисовывающее тогдашнее положеніе вещей.

Послѣдующія событія не дали полной побѣды партіи удѣльныхъ князей. Правда, Михаилъ Глинскій, — несомнѣнный глава этой партіи, успѣлъ поставить великаго князя въ зависимость отъ себя. Въ брачномъ союзѣ съ Москвою просвѣчиваютъ тѣ же партійныя тенденціи. Но и тяжелыя виѣшнія обстоятельства и личность самого князя и недремавшая польская дипломатія — все это не служило къ упроченію самостоятельности Литвы. Пересылки съ Ольбрахтомъ, сейчасъ по вступленіи Александра на престолъ, съ объясненіями причинъ вступленія на престолъ²⁾, нѣсколько проектовъ уніи Литвы съ Польшей³⁾, несомнѣнно исходившихъ изъ Польши, наконецъ договоръ 1499 г. — ясно свидѣтельствуютъ объ уступкахъ, которыя пришлось сдѣлать партіи, благоволившей къ Польшѣ. Правда, литовскіе проекты уніи не уменьшали достоинства Литвы, какъ государства. Унія 1499 г. доказала, что литовское правительство сумѣло отстоять свою самостоятельность⁴⁾. Но этотъ трактатъ, такъ же какъ и Мельницкій привилей, не далъ бы преобладанія польской партіи. Удѣльную партію подрывали виѣшнія политическія обстоятельства, съ которыми совѣтники Александра плохо справлялись, — отношенія къ усилившейся Москвѣ и набѣги крымцевъ. Положеніе государства въ моментъ смерти слабохарактернаго Александра — было весьма критическое. Неудивительно поэтому, что взяла верхъ партія Сигизмунда, несомнѣнно имѣвшаго виды и на польскій престолъ.

Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ бурныхъ событіяхъ, связанныхъ съ возстаніемъ Глинскаго, разумѣется, нельзя видѣть проявленія однихъ только честолюбивыхъ замысловъ и необузданнаго своеволія. Послѣднее было, потому что Глинскій былъ сынъ

¹⁾ Ibidem, p. 32—33, Стрыйковскій въ изданіи 1766 г., p. 644.

²⁾ А. З. Р., I, p. 116.

³⁾ Codex epistolaris, t. III, p. 435, 437, 440, 461, 462.

⁴⁾ Ibidem, 465 и 467.

вѣка и съ опытностью полководца и придворнаго интригана не соединялъ хладнокровія вождя партіи. Янъ Заберезинскій былъ слишкомъ видный представитель противоположныхъ стремленій для того, чтобы ненависть къ нему объяснять только личными счетами. Возстаніе Глинскаго — только второй актъ исторической драмы, начало которой сыграно такъ неудачно когда-то Свидригайлой.

Неудача партіи удѣльнаго князя заключается не въ томъ, что она опиралась на восточныя русскія земли, а въ ея консерватизмъ: удѣлы отжили свой вѣкъ, система обветшала. Случайность рожденія исключала приливъ свѣжихъ силъ въ эту партію, вообще малочисленную (какъ партія), потому что она опиралась на мелкомъ боярствѣ восточныхъ областей, слишкомъ мелкомъ, зависимомъ и удаленномъ отъ политическаго центра для того, чтобы играть политическую роль.

Напротивъ, партія среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ центральныхъ и западно-литовскихъ областей, во главѣ которой стояли Заберезинскіе и Радивилы, была многочисленнѣе по составу, свѣжѣе по своимъ политическимъ тенденціямъ. Ея программу нельзя назвать колонизаторскою, но несомнѣнно, что въ трудныя минуты она обращалась къ союзу съ Польшей.

Въ первые годы правленія Сигизмунда острые вопросы польско-литовскихъ отношеній были замолчаны. Пересылки польской и литовской радъ не лишены, правда, взаимныхъ упрековъ: литовскіе паны сочли нужнымъ объяснить причины поспѣшнаго избранія Сигизмунда въ великіе князья литовскіе; польскіе паны попрекали литовскихъ тѣмъ, что поляки по смерти Ольбрахта хотѣли избрать въ короли никого иного, какъ теперь избраннаго Сигизмунда Казимировича, но выбрали тогда Александра только изъ пріязни къ литовцамъ, въ виду ихъ тяжелаго политическаго положенія¹⁾. Это признаніе со стороны поляковъ указываетъ, что и при выборѣ на польскій престолъ Сигизмунда поляки лелѣжали мысль объ уніи съ Литвой. Тѣмъ не менѣе, когда московскіе войска начала тѣснить восточныя границы литовскихъ владѣній, великокняжеская рада спѣшитъ объявить своей „братъи“ полякамъ „жалобливую прыгоду“ отъ московскаго великаго князя, забывшаго „вѣру и Бога“. Въ 1514 г. литовцы просятъ помощи у поляковъ; въ посольствѣ къ коронной радѣ черезъ Александра Ходкевича они обѣщаютъ закрѣпить союзомъ всѣ прежнія „списы“, — только бы поляки помогли имъ раздѣлаться съ Москвою; литовцы справедливо указываютъ своимъ сосѣдямъ на ихъ общую миссію — оплота для всего культурнаго христіанства противъ татаръ и москвитянъ. Польская рада высказываетъ соболѣзнованіе труднымъ обстоятельствамъ своего сосѣда, особенно настаивая на томъ, что одна изъ причинъ дерзости Москвы зиждется на отсутствіи „слушной едности“ между обоими государствами; впрочемъ, поляки обѣщаютъ дать помощь для борьбы съ Москвою въ распоряженіе „королевскаго маестату“, т.-е. не Литвѣ, а общему главѣ обоихъ народовъ²⁾. Весьма замѣчательно, что поляки говорятъ о помощи противъ враговъ королю, но не собственно Литвѣ, отгвняя тѣмъ персональность уніи (фактическую въ то время). Въ слу-

¹⁾ Сборникъ кн. Оболенскаго, I, р. 15.

²⁾ См. приложение первое.

чаяхъ нужды литовцы уступали настояніямъ изъ Короны и обѣщали подтвердить „записы“; но гораздо характернѣе настроеніе литовскихъ пановъ въ минуты мира съ восточными и южными сосѣдами. Въ 1526 г. посланы были къ королю отъ имени рады бискупъ Янъ и Юрій Миколаевичъ Радивиль. Они должны были „въ таемниці“ передать Сигизмунду о томъ, чтобы онъ не допускалъ посылки отъ папы короны въ Москву; все это — происки поляковъ, которые болѣе благопріятствуютъ отщепенцамъ-москвичамъ, чѣмъ литовцамъ, потому что поляки давно „працуютъ“ надъ тѣмъ, чтобы унизить Литовское княжество и съ теченіемъ времени „втѣлить“ его Коронѣ. Литовскіе паны не хотятъ сдѣлаться „подданными“ поляковъ и предлагаютъ своему господарю потребовать отъ поляковъ той короны, которою когда-то хотѣлъ короноваться Витовтъ и которую перехватили поляки: этой короной слѣдуетъ короновать юнаго Сигизмунда-Августа¹⁾.

Незачѣмъ пояснять значенія этихъ переговоровъ рады съ великимъ княземъ: дѣло клонилось къ уничтоженію и безъ того непрочнаго союза, скованнаго политиками XIV и XV вв. Вполнѣ понятно, что настроенная подобнымъ образомъ къ полякамъ рада не подтвердила прежнихъ договоровъ объ уніи. Ея политика была вполнѣ самостоятельна, обращенная на залѣчиваніе ранъ предыдущаго царствованія.

Съ первыхъ же лѣтъ Сигизмундова правленія удѣльная система была подавлена и правительство занялось организаціей государства въ объединительномъ смыслѣ. Престолъ окружаютъ теперь не владѣтельные князья, а крупные помѣщики; къ престолу проталкиваются совсѣмъ мелкіе люди, иногда разночинцы, какъ Аврамъ Іозефовичъ, Иванъ Горностаѣ, Богущъ Боговитиновичъ и др. — благодаря своей сноровкѣ въ финансовыхъ операціяхъ. Организационныя работы шли быстро, и государственное хозяйство становилось на прочную почву.

Литовскимъ совѣтникамъ Сигизмунда удалось установить съ Польшей отношенія независимаго союзнаго государства. Главная цѣль союза — оборона противъ непріятеля, что выражается въ пропорціональномъ распредѣленіи военныхъ издержекъ²⁾ и упоминокъ татарамъ³⁾. Формальный договоръ, заключенный 26 марта 1532 г., совсѣмъ не касается остраго вопроса объ уніи. Это — оборонительный союзъ Польши и Литвы. Артикулы этого договора содержатъ въ себѣ слѣдующія постановленія: общая защита отъ враговъ, особенно отъ татаръ, оба государства обязуются помогать другъ другу въ случаѣ нападенія врага на одного изъ нихъ; въ оборонѣ границъ литовцы и поляки помогаютъ другъ другу посылкою небольшихъ вспомогательныхъ отрядовъ въ 2—4 тысячи; оба государства обязуются добывать съ оружіемъ въ рукахъ всякую область (*dominium*) ихъ, которая отпала бы; не совсѣмъ яснымъ остается только пунктъ относительно приобрѣтенныхъ общими силами земель⁴⁾.

Въ этомъ договорѣ нельзя не видѣть самостоятельности литовской дипломатіи.

¹⁾ А. З. Р. II, № 144.

²⁾ Хроника Бѣльскаго, р. 125, (т. XVI).

³⁾ Ibidem, 132. Довнаръ-Запольскій, Литовскіе упоминки тат. ордамъ, 1897 г.

⁴⁾ Метрика Коронная Моск. Арх. Мин. Ин. Д., кн. IV, л. 14 об. — 15 об.

Видимо, польская дипломатія не находила въ средѣ литовской рады удобной для себя почвы. Формальный союзъ, условія котораго только что были изложены, не помѣшалъ однако литовцамъ „всѣмъ рицерствомъ“ отказаться отъ похода въ Молдавію въ 1537 г. Великій князь несомнѣнно самъ былъ заинтересованъ въ походѣ, но тѣмъ не менѣе Литовскій сеймъ отказался нарушить миръ съ волохами изъ-за чисто польскихъ интересовъ¹⁾.

Еще болѣе устойчивыми оказались литовскіе политики въ 1544 году, когда поляки снова хотѣли вовлечь ихъ въ политику приключеній. Коронная рада и король предлагали Литвѣ заключить союзъ противъ турокъ. Литовская рада, въ отвѣтъ на настойчивыя представленія Сигизмунда I подала ему на Берестейскомъ сеймѣ особое мнѣніе. Въ немъ указывалось на то, что литовцы и раньше всегда помогали полякамъ противъ непріятелей „ради братской любви и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній“, чего, однако, поляки далеко не выполняли. Въ настоящій моментъ не могло бы быть и рѣчи о заключеніи союза противъ турокъ, потому что поляки не прислали къ литовцамъ ни своихъ пословъ, ни официальной просьбы; поэтому рада полагаетъ, что принимаетъ союзъ самъ король по своей доброй волѣ, лично отъ себя. Впрочемъ, въ виду братскихъ отношеній между обоими народами, литовская рада обѣщаетъ полякамъ слѣдующую помощь: если турки сами нападутъ на Польшу, направившись черезъ Валахію, литовцы выступятъ противъ нихъ всѣмъ войскомъ, если турки пойдутъ черезъ Силезію, то дадутъ помощь въ 4000 чел. конницы. Но при всемъ томъ король долженъ исплопотать у поляковъ такія же обѣщанія по отношенію къ Литвѣ²⁾.

И въ этомъ отвѣтѣ сказался прежній взглядъ литовцевъ на отношеніе къ Польшѣ, какъ дружественныхъ, но равноправныхъ народовъ.

II.

Первые годы правленія Сигизмунда-Августа показали, что польская политическая мысль дремала въ предшествующія тридцать лѣтъ, но не заснула.

Первые же польскіе сеймы выяснили, откуда надо ждать важнѣйшихъ движеній политической жизни: посольская изба выступаетъ во всеоружіи народнаго представительства. Если во время Казимира, Александра и Сигизмунда Стараго, можно думать, что вопросомъ объ уніи руководила партія магнатовъ въ цѣляхъ усиленія государства и въ цѣляхъ захвата земель и урядовъ въ Литвѣ, то въ правленіе Сигизмунда Августа вопросъ былъ поднятъ снизу, развивался постепенно, и цѣль уніи измѣнилась.

Необходимо поближе подойти къ горну, на которомъ окончательно была выкована идея уніи, висѣвшая на политическомъ горизонтѣ съ конца XIV вѣка.

Сигизмундъ-Августъ не умѣлъ ладить съ возраставшимъ могуществомъ посольской избы. Онъ былъ слишкомъ нерѣшительнымъ для того, чтобы или дѣйствовать самостоятельно, или перейти открыто на ту или другую сторону; его мужество не шло дальше откладываній дѣла „до завтра“ и выслушванія со стороны пословъ

¹⁾ Кн. Зап. Лит. Метр. Арх. М. Ю., XV, л. 202.

²⁾ Метр. М. А. М. Ю., Кн. Д. П. Л. V, лл. 36 об.— 39 об.

рѣзкихъ замѣчаній по его адресу, какъ государя и мужа. Нерѣшительность, топтаніе на одномъ мѣстѣ, отразились и на работѣ сеймовыхъ пословъ. Дневники коронныхъ сеймовъ того времени представляютъ странное зрѣлище: много времени отводится сеймовой процедурѣ, „намовамъ“ радѣ, пословъ, короля. Всѣ три чина какъ бы старательно избѣгаютъ говорить о дѣлѣ, о дѣйствительныхъ нуждахъ государства. Инициатива законодательная принадлежитъ посламъ во всей ихъ совокупности, но они не чувствуютъ особеннаго призванія къ законодательству, ограничиваясь весьма общими указаніями на непорядки въ государствѣ (отсутствіе правосудія, грабежи, разбои и пр.), старательно отстаивая свои шляхетскія вольности, которыхъ никто, впрочемъ, не нарушалъ. Въ такихъ безцѣльныхъ дебатахъ проходятъ сеймы, и рѣдкій изъ нихъ даетъ хоть частичные, но положительные результаты. Щепетильность шляхты къ своимъ правамъ не знаетъ предѣловъ. На сеймѣ 1548 года шли дебаты о женитьбѣ короля на Барбарѣ Радивиль¹⁾. Когда король запретилъ радѣ высказывать свое мнѣніе поодионокѣ, потому что-де онъ, король, уже далъ достаточныя объясненія, — по поводу этого запрещенія поднялась цѣлая буря, занявшая дебатами нѣсколько дней. Послы не добились на этомъ сеймѣ расторженія королевскаго брака, и примирившись съ уже совершившимся фактомъ, поставили, однако, запросъ радѣ о томъ, не считаетъ ли она отношеніе къ ней короля для себя оскорбительнымъ. Мнѣніе рады раздѣлилось. Послы во всемъ вину старались свалить на короля, хотя его власть фактически бездѣйствовала, стѣсненная избою и радюю. Народное представительство контролируетъ даже судебныя функціи короля, заставляя его судить только во время сеймовъ, а такимъ образомъ шляхетскій *populus* могъ контролировать верховный судъ. Здоровая струя освѣжила польскій сеймъ только въ пятидесятихъ годахъ, когда депутатами его почти поголовно являлись протестанты, объявившіе борьбу господствующей церкви. Но они не нашли достаточной поддержки среди рады.

Интересно, что и послы, и рада, и король прекрасно сознавали бесплодность сеймовыхъ дебатовъ и необходимость реформы. „Отъ столь частыхъ сеймовъ, которыхъ (столь частыхъ) не знали наши отцы, мы не видимъ — говорилось въ 1565 г. королю отъ имени избы — иной пользы, какъ та, что одинъ сеймъ родитъ другой. Мы отъѣзжаемъ отъ вашей королевской милости только съ написанной и запечатанной бумагой (сеймовое постановленіе, которое послы увозили съ сейма), но порядку у насъ нѣтъ, хотя мы о немъ говоримъ, пишемъ“²⁾.

Съ высоты трона не разъ указывалось на то, что вслѣдствіе своихъ непорядковъ Польша превратилась въ убѣжище для всякаго нечестія (*asylum nequitiae*), Речь Посполитая — несчастная вдова. Не разъ на сеймѣ съ горечью повторяли классическую фразу, что поляки непохожи на своихъ отцовъ (*degeneravimus a patribus nostris*). Но это сознаніе не научило, однако, поляковъ тому, какъ исправить свой политическій строй. Правда, въ описываемое время возникаетъ мысль помочь

¹⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, т. I.

²⁾ *Bibl. Ord. Kras.* 1868, 36.

горю пересмотромъ правъ и привилегій съ цѣлью уничтожить тѣ нарушенія ихъ, которыя допущены съ теченіемъ времени; это — знаменитая экзекуція правъ. Она была направлена противъ магнатовъ и выдвинута наиболѣе либеральной, наиболѣе свѣжей партіей депутатовъ — протестантами. Но съ экзекуціей правъ поляки не покончили вплоть до потери самостоятельности. И это вполне естественно; увлеченные убѣжденіемъ въ высокой политической мудрости своихъ отцовъ, поляки забыли сочтаться съ временемъ и государственнымъ ростомъ народа; Польшу XVI—XVIII вв. было невозможно вогнать въ права и привилегіи XIV—XV вв., — нужно было создавать новые устои государственной жизни, а на этомъ-то и не удалось имъ столкнуться. Въ одномъ только успѣли сойтись разнородные элементы польскаго сейма — въ стремленіи къ уніи съ Литвой, но и то потому, что выгода этого шага, какъ увидимъ, была слишкомъ очевидна для всѣхъ партій. Видимо, что сила, которою обладалъ польскій сеймъ въ общемъ своемъ составѣ и въ частности каждый членъ его, — была слишкомъ велика, такъ что сама тяготила сеймъ.

Мы представили общую картину посольской избы того времени, въ которой засѣдалъ *populus tumultuosus, plebs*. Нельзя сказать, чтобы среди этого *populus'a* не было извѣстнаго единообразія, гармоніи, но это — гармонія хаоса. Этотъ очеркъ объясняетъ намъ нѣкоторыя стороны въ проведеніи идеи уніи; она привилась медленно, какъ и все, что дѣлалось сеймомъ; сила посольской избы доросла до такихъ размѣровъ, что принудила короля сдѣлать крайніе шаги къ 1569 г., на которые онъ не рѣшился бы въ началѣ своего правленія; преобладающею партіею избы являются протестанты-демократы (въ шляхетскомъ смыслѣ), которые ищутъ союза въ средѣ своихъ литовскихъ единомышленниковъ.

Намъ остается прослѣдить постепенный ростъ и обосновку идеи уніи на сеймахъ этого времени.

Первый фазисъ литовско-польскихъ отношеній при Сигизмундѣ-Августѣ начался съ момента отдачи Коронѣ Бѣльской и Подляшской земель на Виленскомъ сеймѣ 1547 г.; литовская шляхта была возмущена этимъ, но ничего не могла сдѣлать, потому что сеймъ санкционировалъ желаніе великаго князя, и рада первая дала свои подписи¹⁾. Въ этой уступкѣ (впрочемъ, далеко не полной) Коронѣ нельзя не видѣть своего рода уплаты за согласіе коронной рады на женитьбу короля на Барбарѣ Радивилъ; не даромъ и литовская рада охотно подписывала привилей.

На бурномъ Петроковскомъ сеймѣ 1547—8 г. послы коронные впервые потребовали у короля назначенія общаго сейма съ Литвою, Пруссамъ и Силезіею, указывая на нерушимость уніи и на необходимость переговоровъ о монетѣ²⁾. Но эта попытка была еще слаба и мало обоснована. Король отвѣтилъ на этотъ запросъ въ окружномъ посланіи, имѣвшемъ цѣлью дискредитировать не въ мѣру требовательныхъ пословъ. Король указываетъ на то, что вопросъ объ уніи не могъ трактоваться на

¹⁾ Wiuk Kojałowicz, по изд. въ Антверпенѣ 1669 г., t. II, p. 405.

²⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, t. I, Krakov, 1872, p. 172, 246, 259. Hr. de Broel-Plater, *Zbiór pamiętników*, I, стр. 160.

сеймъ, потому что за краткостью времени некогда было созвать литовцевъ на сеймъ; литовцы имѣютъ свои права, по которымъ собираются на сеймы, когда къ нимъ разсылаются листы съ приглашеніями на сеймы. Всего этого королю нельзя было сдѣлать. Королю необходимо предварительно отправиться въ Литву, назначить тамъ сеймъ, гдѣ можно было бы поднять вопросъ объ уніи¹⁾.

Трудно пока сказать утвердительно, какъ смотрѣлъ самъ король въ первые годы своего правленія на вопросъ объ уніи. Но не забудемъ, что цитированное посланіе написано съ цѣлью оправданія короля въ глазахъ народа послѣ рѣзкихъ требованій со стороны пословъ развода съ Барбарой: король долженъ былъ быть уступчивымъ, хотя бы на словахъ, потому что его тронъ колебался.

Сеймомъ 1548 г. завязались безконечные переговоры объ уніи. Не прошло ни одного сейма, на которомъ не поднимали бы этого вопроса.

На сеймѣ 1550 г. въ Петроковѣ послы снова подавали артикулы своихъ просьбъ королю, въ которыхъ нашель себѣ мѣсто вопросъ объ уніи: посольскіе артикулы предлагаютъ постановить, что каждое изъ трехъ княжествъ, — Литва, Пруссія и Силезія имѣютъ право соединиться съ Короной; но это единеніе должно быть выполнено (sic); необходимо назначить общій вальный сеймъ, на который бы явились рада этихъ земель и послы отъ повѣтовъ; сеймъ этотъ долженъ заняться экзекуціею правъ²⁾. Мы не знаемъ діаріуша этого сейма и ближайшей постановки вопроса, но и здѣсь уже прокладывается основная мысль посольской избы: они хотятъ подкрѣпиться въ борьбѣ со знатью и духовенствомъ за экзекуцію правъ послами союзныхъ государствъ.

Въ сентябрѣ 1551 г. мы видимъ польскихъ пословъ на Виленскомъ сеймѣ. По одному лѣтописному извѣстію, они начали издалека — съ требованія отъ литовцевъ Подляхін, Волыни, Кіевщины и даже Сѣверщины³⁾, наконецъ предлагали унію⁴⁾; но успѣха они не имѣли, потому что литовскій сеймъ отвѣтилъ дипломатичнымъ отказомъ. Конституція литовскаго сейма 1551 г. говоритъ довольно глухо о переговорахъ съ поляками. Послы просятъ господаря учинить окончательное постановленіе съ панами польскими на Петроковскомъ сеймѣ относительно границы и „всѣхъ тыхъ кривдъ и шкодъ, которые имъ отъ пановъ поляковъ дѣются“; если не удастся добиться установленія вѣчной границы, послы просятъ великаго князя по крайней мѣрѣ о временныхъ, чтобы прекратить безконечные наѣзды, грабежи и захваты съ польской стороны. Въ руководство великаго князя послы предлагаютъ просьбы сейма, учиненныя еще Сигизмунду Старому на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.⁵⁾ (мы съ ними уже знакомы). Такимъ образомъ въ отвѣтъ на предложеніе уніи литовскій сеймъ напоминаетъ полякамъ объ исполненіи ими элементарныхъ условій сосѣдства.

Къ тому же сводится и особое мнѣніе рады, поданное государю. Ссылаясь на то,

¹⁾ Script. r. p., I, p. 264—271.

²⁾ Scriptores rerum polonicarum, t. I, p. 39.

³⁾ Wiuk Kojałowicz, ib., p. 416.

⁴⁾ Ср. Срыйковскій, ibidem, p. 750.

⁵⁾ А. З. Р., III, p. 46.

что объ оборонѣ противъ турокъ уже составленъ общій проектъ въ 1544 г., рада съ особеннымъ удареніемъ говорить о несогласіи на унію шляхты, напоминаетъ королю о его присягѣ и его отца — сохранить княжество въ стародавнихъ границахъ, и, наконецъ, рада заявляетъ, что по ея мнѣнію ни въ какихъ общихъ сѣздахъ и въ будущемъ нѣтъ надобности¹⁾.

Отношеніе самого короля къ вопросу объ уніи въ эти первые сеймы не совсѣмъ ясно: онъ играетъ роль посредника, не желая брать на себя болѣе активную роль. Въ письмѣ къ Радивилу Черному Сигизмундъ-Августъ жалуется на настойчивость и неумѣренность коронныхъ пословъ. Послѣдніе требуютъ сложенія общаго сейма съ Литвою, Пруссамы и Силезіею. Литовцамъ они предлагаютъ сѣхаться въ Войницѣ, а сами поляки соберутся въ Парчовѣ; здѣсь, на пограничѣ, они предлагаютъ вести переговоры. Король передаетъ въ томъ же письмѣ и свой отвѣтъ посламъ короннымъ: литовцы не повинны сеймовать въ Войницѣ, а собственною властью приказать имъ этого король не можетъ, потому что Литва имѣетъ свои права и вольности. Король предлагалъ полякамъ сложить сеймъ въ Парчовѣ, а литовцамъ въ Вильнѣ и вести переговоры черезъ пословъ²⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, король пока держится нейтралитета, и въ его положеніи трудно было поступить иначе. На Краковскомъ сеймѣ 1553 г. выяснилось положеніе обѣихъ сторонъ. Въ отвѣтъ посламъ Сигизмундъ-Августъ заявляетъ, что, будучи въ Литвѣ, онъ созывалъ сеймъ и предлагалъ на его обсужденіе вопросъ объ уніи (онъ подразумѣвалъ Виленскій сеймъ 1551 г.); на унію литовцы будто бы согласились (мы знаемъ, каково было это согласіе). Относительно общаго права литовцы указываютъ на различіе правъ обоихъ государствъ и что трудно согласиться на измѣненіе права и полякамъ и литовцамъ. Что касается обороны³⁾ противъ турокъ, то король повторилъ условія литовцевъ, предложенныя сеймомъ еще въ 1544 г. и данныя королю въ руководство въ 1551 г. Въ отвѣтъ королю Миколай Сѣнницкій, извѣстный, ораторъ того времени, произнесъ сильную рѣчь, исполненную нападокъ и ироніи по отношенію къ политикѣ главы государства. Онъ развивалъ ту мысль, что король обязанъ „согласно статуту“ сложить общій сеймъ, на которомъ могъ бы быть поднятъ вопросъ объ общихъ недостаткахъ. Унія не въ томъ только, говоритъ посолъ, что намъ предлагаютъ какія-то условія общей обороны, такъ какъ они намъ обязаны обороной противъ всякаго непріятеля. У нихъ и у насъ непріятели общіе; намъ, полякамъ, гораздо важнѣе общіе съ ними совѣты⁴⁾.

Въ своемъ отвѣтѣ избѣ король еще разъ заявляетъ, что онъ употребилъ не мало старанія, чтобы въ Литвѣ было постановлено что-либо къ общему благу Короны и княжества; единственно съ этою цѣлью король ѣздилъ въ Литву и собиралъ тамъ

¹⁾ Метр. Кор. М. Арх. М. Ин. Д., кн. XIV, л. 95.

²⁾ *Scriptores rerum polonicarum*, t. I, p. 88. Lachowicz, *Pamiętniki do dziejów Pol.*, 1842 г., p. 48.

³⁾ *Script. r. p.*, I, p. 15—16.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 20.

сеймъ, постановленіе котораго передано посламъ. Но вы этимъ не довольствуетесь, вамъ нужно отъ нихъ чего-то большаго и у васъ есть кое-что, о чемъ вы хотите съ ними переговорить. Если вы опредѣленно не высказываете передъ его королевской милостью о предметѣ вашихъ переговоровъ, то король и самъ не желаетъ о немъ знать и у васъ спрашивать и не намѣренъ поднимать объ этомъ вопроса. Король былъ бы готовъ устроить Литвѣ общій съ Короною сеймъ, но онъ знаетъ и понимаетъ, что литовцы — люди вольные, какъ и поляки, приказывать имъ онъ не будетъ, такъ какъ, согласно съ правами, не знаетъ, согласятся ли они на сеймъ. Король постарается, впрочемъ, сложить литовцамъ сеймъ, на который пусть поляки пошлютъ свою братью для переговоровъ, и если литовцы согласятся, онъ не замедлитъ исполнить ихъ просьбы¹⁾.

Геронимъ Оссолинскій отвѣчалъ королю отъ имени избы. Онъ вопросъ объ уніи старается свести на историческую почву, указывая, что самый фактъ приглашенія литовскаго князя на польскій престолъ былъ сдѣланъ съ цѣлью увеличенія военныхъ силъ Польши, но тогда же былъ рѣшенъ вопросъ объ общихъ сеймахъ. Онъ находитъ вреднымъ для Рѣчи Посполитой мнѣніе тѣхъ, которые сводятъ вопросъ объ уніи на желаніе короля потому-де, что — Литва отчина короля: унія существуетъ издавна и должна существовать вѣчно; Ягайло и Витовтъ свое дѣдичное право на великое княжество Литовское окончательно передали Коронѣ, съ согласія всей литовской шляхты. Паны литовскіе и впоследствии не разъ присягали на вѣрность и единеніе Коронѣ, о чемъ свидѣлствуютъ документы въ статутѣ и въ королевскомъ скарбѣ. Унія была *in usu* до Сигизмунда I, но ни онъ, ни Сигизмундъ-Августъ не назначали общаго сейма, потому что не было надобности, а теперъ она есть²⁾.

Пока всѣ три заинтересованныя стороны толкутся на одномъ мѣстѣ. Но рѣчи на сеймѣ 1553 года обрисовываютъ, въ связи съ литовскимъ отвѣтомъ 1551 года, положеніе въ данномъ вопросѣ и короля и сеймовъ обоихъ государствъ. Король не довѣряетъ коронной избѣ, предвидя, что рѣчи на общемъ сеймѣ коснутся *communis mali*, а среди *mali* въ глазахъ пословъ была двойственная нерѣшительная политика самого короля; еще менѣе могъ довѣриться король соединенной избѣ Литвы и Польши. Коронная рада во все время дебатовъ старательно избѣгаетъ высказываться по вопросу объ уніи, которая въ такой постановкѣ не могла принести ей ничего хорошаго; зло, на которое указывала изба, заключалось въ широтѣ власти духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ: борьба съ церковью, борьба съ магнатами — вотъ программа тогдашней, почти поголовно протестантской, посольской избы. Для послѣдней вопросъ объ уніи — вопросъ не корыстолюбивой политики польскихъ дипломатовъ XV вѣка, а вопросъ политической. Но маскируя истинныя причины своихъ стремленій, наталкиваясь на сопротивленіе высшихъ классовъ въ Литвѣ, посольская изба вырабатываетъ постепенно ту сложную историко-юридическую аргументацію, которая впо-

¹⁾ Ibidem, p. 22.

²⁾ Ibidem, p. 30—31.

слѣдствіи легла въ основу уніи. Зачатки, пока неясные, этой аргументаці видны въ рѣчи Оссолинскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, все то, что неопредѣленно намѣчалось на сеймѣ 1553 г., то является уже значительно созрѣвшимъ, оформившимся въ 1555 г. на сеймѣ въ Краковѣ. Въ проектѣ конституціи этого сейма снова повторено желаніе общаго сейма¹⁾. Особенно интересно жегнаніе (прощаніе) пословъ съ королемъ. Они съ горечью указываютъ на великое зло въ государствѣ — всестороннюю неурядицу. Непорядокъ является слѣдствіемъ нарушенія привилегій, которое грозитъ гибелью государству. Подобная опасность обща и Литвѣ и Коронѣ. Чтобы помочь горю, король долженъ собрать общій сеймъ для славы предковъ, для славы имени Ягеллоновъ. Работы будущаго сейма жегнаніе предполагаетъ въ двухъ направленіяхъ: собравшійся *congrus regni* рѣшить всѣ вопросы относительно общей обороны, а также объ уничтоженіи той страшной неурядицы въ Коронѣ, которая такъ размножилась, что наконецъ становится опасной. На этомъ сеймѣ, который посламъ представляется въ розовомъ свѣтѣ, они покончатъ съ вопросомъ объ экзекуціи правъ¹⁾.

Послы высказались на этотъ разъ вполне откровенно. Король отвѣтилъ имъ тою же откровенностью: тотчасъ послѣ сейма онъ сложилъ повѣстовые сеймики, на которыхъ поручилъ посламъ своимъ жаловаться шляхтѣ на рѣзкость и требовательность депутатовъ, которыхъ она высылаетъ въ избу; король проситъ шляхту не посылать подобныхъ пословъ на сеймы, выбрать другихъ.

Такимъ образомъ король обратился къ народу. Но сеймики въ Новомъ Мѣстѣ и въ Колѣ стали на сторону пословъ: шляхта, въ присутствіи пановъ рады, торжественно благодарила своихъ депутатовъ, одобрила ихъ дѣйствія, и снова выбрала ихъ въ избу, чтобы паны и король знали, какъ цѣнить шляхту своихъ избранниковъ³⁾. Королевская политика потерпѣла полное пораженіе.

Цѣль посольской избы высказалась вполне опредѣленно. Но добиваясь съ такимъ упорствомъ общаго сейма, шляхта встрѣчала еще въ это время полное равнодушіе со стороны своего литовскаго собрата. Наоборотъ, въ постановленіяхъ послѣдняго нерѣдко можно встрѣтить статьи, прямо направленныя противъ притязательности поляковъ. Это объясняется тѣмъ, что въ началѣ 50-хъ годовъ мелкая литовская шляхта, на которую рассчитывала коронная, не была въ силѣ на сеймѣ; литовскіе же магнаты далеки были отъ братанья съ поляками. Между обоими народами, которые связала историческая судьба, всегда была искра недовѣрія, хотя и всячески маскируемая дипломатами. Неудивительно поэтому, что въ глазахъ многихъ поляковъ видимый союзъ короля съ литовскимъ сеймомъ вызывалъ недружелюбное отношеніе къ самой Литвѣ. Съ этой стороны весьма любопытенъ политическій памфлетъ, имѣющій близкую связь съ дѣятельностью посольской избы и, вѣроятно, вышедшій изъ нея. Этотъ памфлетъ

¹⁾ Dzienniki sejmów walnych Koronnych za panowania Zygmunta Augusta etc., Krak. 1861 г., р. 81.

²⁾ Ibidem, р. 91 — 93.

³⁾ Ibidem, р. 94.

любопытень съ той стороны, что содержитъ въ себѣ полную аргументацію тогдашнихъ политиковъ объ уніи и общемъ сеймѣ, отражая въ то же время и то неопредѣленное братски враждебное отношеніе, существовавшее между обоими народами. Это — своего рода рѣчь каштеляна Мелешки на польскій ладъ. Этотъ памфлетъ любопытень и тѣмъ, что несомнѣнно отражаетъ въ себѣ взглядъ протестантствующихъ поляковъ ¹⁾.

Основа аргументаціи названнаго произведенія — историческая. Оно возстаетъ противъ мнѣнія, будто проектируемая унія нѣчто новое: еще Ягайло инкорпорировалъ Литву къ Коронѣ, на что дали свое согласіе его братья и вся земля; при инкорпорациі литовскіе паны и шляхта получили много вольностей, какія были въ Коронѣ. Ягайло держался уніи, но при Казимирѣ литовцы перестали держаться уніи и теперь ея не держатся. Напротивъ, литовцы отстаивали Луцкъ, Ломазы и нѣкоторые другіе города, и даже нѣсколько разъ возбуждали татаръ на Польшу. Литовцы не исполняютъ и того пункта Ягайловой уніи, по которому они обязаны выбирать вмѣстѣ съ Польшею государя, потому что безъ поляковъ выбрали Александра и Сигизмунда I. Литовцы не помогаютъ Коронѣ въ борьбѣ съ врагами (припоминается походъ Сигизмунда I на Молдавію). Наконецъ, они не хотятъ собирать общихъ сеймовъ. Литовцы выказываютъ недоброжелательство къ полякамъ, издавая постановленія противъ тѣхъ изъ нихъ, которые селятся въ Литвѣ, между тѣмъ какъ отъ поляковъ они заимствовали много хорошаго. Литовцы нарушаютъ, однимъ словомъ, *jus gentium, pacta, foedera*, которые держатъ все христіанскіе народы, даже язычники, кромѣ татаръ, отъ которыхъ они заимствуютъ примѣры. Литовцы не держатъ присяги и Бога не боятся. Они всячески стараются, чтобы общіе государи, которыхъ они выбрали, „нищили“ Корону: не для кого не тайна, что все (!) королевскіе доходы и много вещей, которыя должны бы оставаться въ Коронѣ, — вывезены въ Литву. Однимъ словомъ, Корона мало выиграла отъ литовской дружбы. Необходимо, чтобы поляки позаботились сохранить свободную элекцію, которая нарушается литовцами, потому что Литва можетъ поспѣшить и при будущей элекціи. Авторъ возражаетъ тѣмъ, кто стоитъ за союзъ съ Литвою изъ-за опасенія татарскихъ набѣговъ: татары нападаютъ для грабежа безъ побужденія со стороны литовцевъ. Правда то, что Польша будетъ сильнѣе въ союзѣ съ Литвой; но правда и то, что Литва будетъ всегдѣмъ слаба безъ Польши; у Литвы два сильныхъ врага — инфлянты и московскій царь, который хуже татарина; Литвѣ не отстоять себя безъ помощи польскихъ солдатъ.

¹⁾ Ibidem, p. 95—100. Это произведеніе находится среди діаріуша малопольскаго сеймика, собраннаго въ Новомъ Мѣстѣ сейчасъ послѣ Петроковскаго сейма. Оно имѣетъ форму сеймовой рѣчи, посвященной жгучимъ вопросамъ тогдашней внутренней политики: чрезмѣрному расширенію правъ духовенства, уніи и пр. Изъ діаріуша не видно, говорилась ли эта рѣчь въ присутствіи короля или рады, или же къ діаріушу просто присоединено составителемъ отдѣльное политическое произведеніе того времени. Намъ думается, что это политическій памфлетъ, присоединенный къ діаріушу. Дѣло въ томъ, что между рѣчью Миколая Свѣинскаго и самимъ произведеніемъ — несомнѣнная лакуна; изъ нѣсколькихъ же мѣстъ памфлета видно (напр. стр. 100), что авторъ его выражаетъ свои мысли на письмѣ.

Этотъ мемуаръ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Основная мысль польскаго патріота XVI в. такая же, какую и въ настоящее время можно, къ сожалѣнію, найти во многихъ польскихъ трудахъ: права и вольности, данныя Литвѣ Ягайломъ, присчитываются къ числу величайшихъ благодѣяній польскаго народа по отношенію къ литовскому; за эти пергаменные благодѣянія полякъ готовъ требовать отъ Литвы полного подданства. Съ другой стороны памфлетъ, объединяя всѣ причины недовольства, существовавшія у поляковъ по отношенію къ литовцамъ, намѣчаетъ и ту аргументацію, которая, выдвигалась сторонниками инкорпораціи: Литва инкорпорирована Ягайломъ, Литва — отчина своихъ государей, союзъ съ Литвой полезенъ для Польши въ виду прекращенія династіи — такъ можно формулировать всѣ эти доводы. Но съ другой стороны, такъ какъ настоящій мемуаръ вышелъ изъ среды протестантской партіи, то нельзя не отмѣтить въ ея отношеніи къ Литвѣ нѣкотораго поворота; политическія соображенія общегосударственнаго характера и давнее недовѣріе къ Литвѣ берутъ верхъ надъ интересами партіи. А такая постановка вопроса является компромиссомъ, къ которому не трудно было бы склонить и знать и короля.

Дѣйствительно, послѣдующія событія показываютъ, что сближеніе партій по данному вопросу черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлало громадныя успѣхи, и какъ разъ на почвѣ компромисса. Правда, дѣлу уніи помогали и виѣшнія обстоятельства. Напомнимъ, что періодъ конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ ознаменовался поворотомъ въ пользу католицизма. Реакція, руководимая Коммендоне, сдѣлала крупныя успѣхи и сеймовая оппозиція шестидесятихъ годовъ далеко не является такой единодушной и протестантской, какъ десять лѣтъ назадъ. Даже патріотизмъ видныхъ протестантскихъ пословъ подвергается сомнѣнію въ рядахъ мелкой шляхты¹⁾. Вопросъ объ экзекуціи правъ слабѣетъ, дѣлается менѣе страшнымъ для знати²⁾. Найдены были новые мотивы для сеймовыхъ дебатовъ — семейная жизнь короля³⁾. Послѣдняя запугиваетъ посольскую избу будущими смутами междуцарствія⁴⁾. Король явно склоняется въ сторону партіи магнатовъ и католиковъ. Въ этой партіи онъ ищетъ опоры, потому что на политическомъ горизонтѣ появились ливонскія дѣла.

Ливонскія дѣла запутали Литву такъ, что ей необходимо было искать союза съ Польшей. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1562—1564 гг. дѣло уніи сдѣлало большой шагъ впередъ. Сеймъ 1562 года въ Петроковѣ открылся заявленіемъ о необходимости уніи, какъ одной изъ частныхъ экзекуціи правъ⁵⁾. Сеймъ въ Варшавѣ 1563 года уже видѣлъ блестящее литовское посольство, снаряженное отъ всѣхъ чиновъ. Сами поляки сознавали, что къ этому моменту сдѣлано весьма многое. Глава литовскаго посольства, воевода виленскій Миколай Радивиль сказалъ въ собраніи короннаго сейма

¹⁾ Biblioteka Ordynacyi Krasiniskich, rok 1868, p. 235 и сл. (сеймъ 1565 г.).

²⁾ Ср. дебаты объ инстигаторахъ, *ibidem*, p. 176.

³⁾ Ср. сеймовой проектъ 1558 г. на случай элекціи, *Dzienniki*, p. 190 и сл.

⁴⁾ См. дебаты на Люблинскомъ сеймѣ 1566 г. Метр. Коронная М. Арх. М. Ю., Отд. IX, кн. № 66.

⁵⁾ *Zródłopisma do dz. unii*, ed. Działyński, II, p. 144.

нѣсколько блестящихъ рѣчей, легкихъ и остроумныхъ¹⁾. Онъ такъ много говорилъ о братствѣ народовъ, о сладости совмѣстной жизни, что забылъ упомянуть о самомъ существенномъ, о томъ, чѣмъ же, по мнѣнію литовцевъ, должна быть унія. Онъ говорилъ такъ пріятно и такъ неопредѣленно, что не даромъ коронный подскарбій въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій упрекалъ литовцевъ въ неискренности, предлагая уничтожить самое имя Литвы²⁾.

Мы видимъ, что чѣмъ ближе къ унії, тѣмъ болѣе и болѣе поднимаютъ голову въ Польшѣ элементы, наименѣе склонные къ фактическому братству обоихъ народовъ. Но этомъ же сеймѣ появляется и вполне опредѣленная форма унії: одинъ государь, одинъ законъ, одинъ народъ, одна печать и одинъ маршальскій жезлъ (жезлъ сеймоваго маршала, слѣд. общій сеймъ)³⁾. Такія заявленія грозили серьезными послѣдствіями для Литвы какъ разъ въ то время, когда политическое положеніе ея становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Результатомъ польскихъ требованій явилась декларація Варшавскаго сейма 1563—64 гг., которою король отрекся отъ своего наслѣдственнаго права на Литву и подарилъ ее Коронѣ⁴⁾. Послѣ нея вопросъ объ унії вступаетъ въ новый фазисъ развитія; унію поляки хотятъ сдѣлать вопросомъ внутренней политики, какъ одну изъ частныхъ Execuціи правъ.

Обратимся къ сеймовымъ дебатамъ 1865—66 годовъ.

Сеймъ начался съ королевской пропозиціи, заявлявшей готовность и старанія короля въ дѣлѣ унії⁵⁾. Отъ имени избы отвѣчалъ королю маршалокъ ея Николай Сѣницкий, который особенно подчеркивалъ то, что унія — *non postrema pars executionis*. На будущемъ общемъ сеймѣ должны быть отъ Литвы не только послы, но и „всѣ“. Король обязанъ выполнить свою присягу. Поляки пока не знаютъ, друзья для нихъ литовцы, или враги, а потому и рѣчи быть не можетъ о помощи въ ливонскомъ дѣлѣ до унії. Впрочемъ, нѣкоторые изъ литовцевъ высказываютъ явную неприязнь къ унії и просятъ, чтобы вопросъ о ея рѣшеніи не былъ предоставленъ королю⁶⁾. Особенно замѣчательно поведеніе краковскихъ пословъ на этомъ сеймѣ (депутаты, посылаемые изъ Краковской земли, вообще отличались консерватизмомъ и союзомъ со знатью). Они отказались входить въ разсмотрѣніе вопроса объ оборонѣ и податяхъ, пока не будетъ выполнена важнѣйшая часть Execuціи правъ — инкорпорація Литвы. Это заявленіе вызвало въ засѣданіи 26 января цѣлую бурю въ польской избѣ. Большинство пословъ считали инструкцію шляхты краковскаго воеводства крайне неосторожной; указывали на то, что при такой инструкціи дѣла въ государствѣ могутъ совсѣмъ остановиться, если литовцы откажутся отъ унії; они указывали далѣе,

¹⁾ Ibidem, p. 246.

²⁾ Ibidem, p. 272.

³⁾ Ibidem, p. 278.

⁴⁾ Vol. Leg., II, 643, стр. 638.

⁵⁾ Bibl. ord. Kras., 1863, 43.

⁶⁾ Ibidem, p. 71.

на то, что магнаты литовскіе тормозятъ унію въ виду неурядицы въ самой Польшѣ, почему необходимо спѣшить съ устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе послы съ уніей больше торопились, чѣмъ съ устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Въ засѣданіи того же 26 января они выбрали особую комиссію для архивнаго обслѣдованія уніи — разсмотрѣнія старыхъ документовъ, подтверждающихъ ее²⁾. Историческая постановка вопроса на сеймѣ 1564 г. показала, что польскіе дипломаты нашли въ архивахъ только то, что имъ было нужно, — привилеи конца XIV и начала XV в., благоразумно не вдаваясь въ разысканія временъ Сигизмунда Стараго и Казимира Ягайловича.

Поспѣшность, съ какой выковывалась унія, выразилась и въ проектѣ сеймовой конституціи: послы требовали назначенія общаго сейма на Пасхѣ того же 1565 г., а послѣднія засѣданія сейма относятся къ концу марта. Противъ такой поспѣшности возражала рада въ лицѣ архіепископа гнѣзненскаго. Онъ указывалъ на невозможность собрать общій сеймъ въ столь короткій срокъ, потому что король долженъ лично побывать въ Литвѣ и сложить тамъ предварительный сеймъ; Литвѣ слѣдовало бы прежде покончить съ войной, наконецъ, и древніе документы еще не разсмотрѣны³⁾.

Послы не были довольны такого рода заявленіями. Они указывали на то, что надо Литву заставить соединиться съ Короною до окончанія войны съ Москвою, потому что по минованіи опасности Литва снова уклонится отъ уніи: она соглашается изъ необходимости. Окончаніе войны — срокъ, находящійся не въ рукахъ человѣческихъ: и экзекуція и унія могутъ ускользнуть за это время. Вообще съ общимъ сеймомъ необходимо торопиться еще въ виду будущей элекціи, такъ какъ здоровье короля сомнительно. Въ этомъ смыслѣ послы изложили свое мнѣніе королю и панамъ черезъ Якова Остро-рога⁴⁾. И король и воты (голосованія) рады были противъ сложения сейма въ томъ же году, указывая на фактическую невозможность по краткости времени⁵⁾. Послы должны были примириться съ отсрочкою, и король уѣхалъ въ Литву.

На предыдущихъ сеймахъ были сдѣланы всѣ подготовительныя работы къ уніи. Литовское посольство, прибывшее на сеймъ 1565 года, проситъ короля поторопиться отъѣздомъ въ Литву въ виду военного времени; оно ведетъ переговоры съ коронною радю о помощи противъ Москвы, не отказываясь принципиально отъ переговоровъ объ уніи и вообще поступаетъ весьма мягко въ этомъ щекотливомъ вопросѣ⁶⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, назначенный сеймъ въ Люблинѣ лѣтомъ 1566 г. повелъ къ официальнымъ переговорамъ объ уніи. Поляки засѣдали въ Люблинѣ, литовцы — въ Брестѣ. Отсюда литовскій сеймъ посылалъ своихъ депутатовъ въ Люблинъ. Литовцы предлагали дружбу на слѣд. условіяхъ: общій выборъ общаго государя; общіе враги и

1) Ibidem, p. 82.

2) Ibidem, p. 81.

3) Ibid., 225—226.

4) Ibid., 229—231.

5) Ibid., 232—233.

6) Ibid., 290—292.

друзья, общіе сеймы, собирающіеся поочередно то въ Польшѣ, то въ Литвѣ; другого рода постановленія не должны издаваться, потому что они не соотвѣтствуютъ достоинству обоихъ народовъ, и поляки даже должны дать обѣщаніе не пытаться дѣлать нововведеній въ договорѣ. Такимъ образомъ предлагался литовцами только союзъ и персональная унія, между тѣмъ какъ литовскіе законы, управленіе, границы — оставались неприкосновенными и даже предварялась всякая попытка къ измѣненію договора¹⁾. Въ такой формѣ сообщаетъ суть предложеній литовцевъ Кояловичъ, и его извѣстіе подтверждается другими данными. Литовцы теперь уже не довѣряютъ и королю. Они послали на сеймъ въ Люблинъ своихъ депутатовъ для переговоровъ съ радюю; но эти депутаты не имѣли никакихъ полномочій. Мало того, депутаты вели переговоры прямо съ коронной радюю, помимо короля. Послѣдній упрекаетъ литовскій сеймъ въ томъ, что ихъ проектъ уніи не былъ доложенъ ему, увѣряетъ сеймъ въ своей „звыклой милости“ ко всему „пожиточному“ для Литвы. Изъ Люблина поляки посылаютъ депутатовъ въ Брестъ, хотя король совѣтуетъ литовцамъ пріѣхать всѣмъ вмѣстѣ въ Люблинъ, гдѣ и самъ король; онъ увѣряетъ, что цѣль уніи — братскій союзъ. Послѣ всѣхъ увѣреній въ „звыклой милости“ и въ желаніи братскаго союза народовъ, король не забылъ въ постскриптумѣ сообщить литовцамъ, что татары собираются сдѣлать нападеніе на Литву²⁾. Такъ писалъ король литовцамъ 21 іюня; литовскій отвѣтъ полякамъ былъ полученъ въ началѣ августа. Несогласіе литовцевъ не помѣшало, однако, королю заявить отъ своего имени и отъ имени коронной рады посламъ, въ засѣданіи 27 іюня, о полномъ будто бы согласіи Литвы на унію. Король не можетъ назначить числа, когда будутъ литовцы въ Люблинѣ, но онъ знаетъ навѣрное, что они прибудутъ скоро, безъ замедленія. Король совѣтуетъ сейму заняться текущими дѣлами, которыя все откладываются, а онъ исполнитъ по поводу уніи то, что обѣщаль³⁾. Сеймъ Люблинскій кончился ничѣмъ, разбившись объ упорство обѣихъ сторонъ. И Сѣннинскому снова пришлось упрекать, въ концѣ сейма, короля въ томъ, что сеймовыя дѣла остановились, потому что нѣтъ чиновъ Литвы, Инфлянтъ и Пруссавъ, и снова напоминать королю объ его обѣщаніяхъ⁴⁾.

III.

Знакомствомъ съ сеймомъ 1566 г. заканчивается та часть нашей задачи, которая касается отношеній поляковъ къ вопросу объ инкорпораціи Литвы. Но намъ слѣдуетъ обратиться и къ Литвѣ и намѣтить ея отношеніе къ тому же вопросу. Это, однако, не легко сдѣлать, потому что источники весьма скудны. Единственнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ могутъ служить конституціи сеймовъ. Но въ сеймовой конституціи мы не найдемъ всѣхъ мотивовъ того или другого постановленія консти-

¹⁾ Wiuk Kojalowicz, op. cit. 471—3.

²⁾ А. Ю. З. Р., I, p. 159—162. Ср. донесеніе коронныхъ пословъ, Broel-Plater, Zbiór pamiętnikow, II, p. 15.

³⁾ Метр. М. А. М. Ю., Кн. Н. Д., № 66, лл. 16 об.—17.

⁴⁾ Ibid., л. 101.

туція — своего рода призма, сквозь которую приходится разсматривать течения общественной жизни; дневники литовских сеймовъ, подобные польскимъ, — неизвѣстны.

Мы видѣли, что первый въ правленіи Сигизмунда II толчокъ къ разработкѣ вопроса объ уніи былъ данъ той партіею польской посольской избы, которая хотѣла собраться съ литовцами на общій сеймъ для обсужденія *communis mali*.

Но здѣсь является вопросъ, были ли въ Литвѣ элементы, сочувствіе среди которыхъ надѣялась встрѣтить польская шляхетско-демократическая партія. Въ Литвѣ несомнѣнно была соотвѣтственная партія. Она развивалась одновременно съ польской, и программы обѣихъ имѣютъ много общаго. Это зависитъ отъ общности условій въ исторіи обоихъ народовъ. Какъ и Польшѣ, Литвѣ не было чуждо реформаціонное движеніе; въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, мелкая шляхта далеко не пользовалась всею суммою правъ, ей предоставленныхъ, и вступаетъ въ борьбу съ панами. Эти два направленія, т.-е. борьба съ панами и реформаціонное, выразившіяся въ борьбѣ съ духовенствомъ и магнатами, отразились и въ литовскихъ источникахъ. Такъ какъ оба вопроса, за исключеніемъ отчасти реформаціи, не изучены, то мы укажемъ на важнѣйшія относящіяся къ нимъ данныя.

Необходимо имѣть въ виду, что движеніе среди низшей шляхты начинается по крайней мѣрѣ съ конца правленія Сигизмунда Стараго. Это ясно сказалось на послѣднемъ, собранномъ имъ лично, Брестейскомъ сеймѣ въ 1544 г. Здѣсь шляхта просила короля, чтобы духовнымъ греческаго и латинскаго закона запрещено было занимать гражданскія должности, хотя король не далъ рѣшительнаго отвѣта¹⁾. Здѣсь же мы видимъ и попытку ограничить церковную юрисдикцію²⁾. Сеймъ 1547 г. идетъ нѣсколько дальше, требуя удаленія духовенства изъ свѣтскихъ судовъ³⁾, наконецъ требуетъ участія духовныхъ въ земской службѣ съ ихъ имѣній и чтобы они не держали по нѣскольку церквей или костеловъ⁴⁾; вопросъ о церковной юрисдикціи былъ повторенъ⁵⁾. Та же тенденція проходитъ и черезъ рядъ просьбъ сеймовъ 1554 и 1559 гг.⁶⁾

Требуя уступокъ отъ духовенства, шляхта не забывала и о привилегіяхъ пановъ. На сеймѣ 1544 г. шляхта обращается къ господарю съ рядомъ жалобъ на воеводу и старостъ, по поводу „кривдъ“ при отправленіи ими правосудія, и господарь отвѣчаетъ довольно мягко⁷⁾. Шляхта требуетъ, чтобы при воеводахъ на судахъ сидѣли присяжные засѣдатели изъ шляхты⁸⁾. На сеймѣ 1547 года шляхта уже требуетъ установленія контроля съ своей стороны въ сборѣ и расходываніи панами земскихъ финансовъ⁹⁾, и снова поднимаются жалобы на судъ старостъ и воеводу¹⁰⁾. Последующіе сеймы

¹⁾ Działyński, Zbiór praw litewskich, p. 405.

²⁾ Ibidem, p. 408.

³⁾ А. З. Р. III, p. 11.

⁴⁾ Ibidem, p. 29.

⁵⁾ Ibidem, p. 30 (ар. 21) и p. 37 (ар. 12).

⁶⁾ Ibidem, p. 56 (ар. 14), 60 (ар. 26), 63 (ар. 15), p. 101 (ар. 4), 125 (ар. 16).

⁷⁾ Działyński, op. cit., p. 412—419.

⁸⁾ Ibidem, p. 411.

⁹⁾ А. З. Р., III, p. 7.

¹⁰⁾ Ibidem, p. 8.

тоже не проходят молчаніемъ недостатковъ дѣятельности магнатовъ и ихъ отношеній къ низшей братьѣ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видѣли, что и литовская шляхта, подобно польской, ведетъ борьбу на два фронта, — и не безуспѣшно, потому что она добивается и установленія повѣтовыхъ сеймиковъ (собственно — большей ихъ независимости), и уравненія правъ шляхты обѣихъ религій и правъ греческаго духовенства и нѣкот. друг. Этотъ краткій обзоръ сеймовыхъ просьбъ литовско-русской шляхты показываетъ, что успѣхи политическаго роста ея въ шестидесятихъ годахъ XVI в. нельзя объяснять ни религіозною терпимостью короля²⁾, ни желаніемъ послѣдняго задобрить шляхту и склонить ее къ уніи³⁾. Между тѣмъ такія объясненія предлагаются иногда даже лучшими изслѣдователями. Шляхетскія привилегіи шестидесятихъ годовъ — только слѣдствія того религіозно-политическаго движенія въ средѣ низшей шляхты, которое началось еще въ сороковыхъ годахъ; уступки получались медленно, и греть вѣка, прошедшая въ борьбѣ, дала наконецъ благоприятные результаты. А движеніе началось еще тогда, когда самъ король боялся уніи. Шляхетскіе привилегіи представляютъ — повторяемъ — слѣдствіе естественнаго роста литовско-русской шляхты; великій князь литовскій былъ въ половинѣ XVI в. дѣдичъ и отчичъ Литовской земли только въ тѣхъ привилегіяхъ, которые выставляли на видъ польскіе дипломаты; въ дѣйствительности же литовскій государь былъ сильно ограниченъ сеймомъ и радою.

Всѣ эти признаки указываютъ на существованіе въ Литвѣ передовой партіи, на которую могли бы рассчитывать поляки. Впрочемъ и сами поляки не сомнѣвались въ томъ, что низшая шляхта въ Литвѣ сочувствуетъ имъ. Въ засѣданіяхъ посольской избы короннаго сейма не разъ выяснялось, что въ Литвѣ есть сочувствующая уніи партія. На сеймѣ 1565 года послы прямо указывали, что унія уже „условлена“, но ей противятся литовскіе магнаты; одни литовскіе посольства соглашались на унію, другія — нѣтъ. Унія могла бы пойти скорѣе, — говорили тогда — если бы сами поляки принялись за экзекуцію правъ, — очевидно, тогда въ Литвѣ увеличивалась бы партія ихъ сторонниковъ⁴⁾. Оказывается, что литовское рыцарство на Бѣльскомъ и Парчовскомъ сеймахъ высказывало желаніе поскорѣе заключить унію несмотря на сопротивленіе пановъ⁵⁾.

И этимъ заявленіямъ, исходившимъ отъ польскихъ пословъ, нельзя, въ извѣстной мѣрѣ, не довѣрять. Представители шляхты подляшскихъ повѣтовъ въ 1565 г. на сеймѣ въ Вильнѣ прямо просятъ короля объ уніи съ Короной⁶⁾. Люблинскій сеймъ 1569 года представляетъ достаточно примѣровъ розни между высшими и низ-

¹⁾ Ibidem, p. 27, 39 (ар. 5), p. 102 (ар. 6).

²⁾ См. ст. Прохаски, Kwart. Histor., 1896 г., III, p. 529.

³⁾ Напр. см. Малышевскій въ „Холмской Руси“, изд. Батюшковымъ, p. 122. Н. П. Дашкевичъ, Замѣтки по ист. лит.-р. госуд., 162.

⁴⁾ Bibl. ord. Kras. 1868, p. 82.

⁵⁾ Ibidem, p. 83.

⁶⁾ М. Довнаръ-Запольскій, Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., т. I, 185.

шими шляхетскими классами въ Литвѣ¹⁾. Когда началась присяга уніи, подляшская и волынская шляхта далеко не вся неохотно шла присягать²⁾, а рыцерство Берестейскаго повѣта прямо приказало своимъ посламъ не возвращаться съ сейма безъ уніи въ той или другой формѣ³⁾. Самъ Люблинскій сеймъ представляетъ собою словесный турниръ скорѣе между поляками и литовскою знатью, чѣмъ съ литовскою посольскою избою. Король несомнѣнно въ послѣдніе годы сочувствовавшей уніи, созывая посольства на сеймъ, видимо полагался исключительно на ту же мелкую шляхту. Слѣдуетъ только всмотрѣться въ разсылавшіеся имъ универсалы. Господарь обращался къ шляхтѣ, демократизованной въ повѣтахъ отъ вліянія магнатовъ, убѣждая ее послать на сеймъ представителей, уполномоченныхъ на заключеніе уніи. — И шляхта выслала соотвѣтственныхъ пословъ⁴⁾.

Но кромѣ демократическихъ тенденцій литовской шляхты, надо не забывать и того критическаго положенія, въ которомъ находилось государство въ моментъ уніи. Принявъ подъ свое покровительство Ливонію, Литва взяла на себя непосильную задачу. Защитницѣ Ливоніи приходится просить поддержки у Польши. Въ тяжелую минуту литовскіе дипломаты отправляютъ посольство на коронный сеймъ 1565 г. Послы, Остафій Воловичъ и Янъ Шишковичъ, просятъ короля пріѣхать въ княжество, истощенное войной и податями. Передъ короннымъ сенатомъ послы рисуютъ всю грозящую Литвѣ отъ Москвы опасность, просятъ совѣта и помощи, напоминаютъ о бывшей дружбѣ обоихъ народовъ; послы выражаютъ готовность сѣхаться съ поляками на общій сеймъ для утвержденія единенія между Литвой и Короной, — только бы отбиться отъ непріятели⁵⁾. Прими война другой оборотъ, — можетъ быть, всѣ эти завѣренія братскихъ чувствъ были бы припрятаны литовской радой до слѣдующихъ критическихъ обстоятельствъ. Но если литовцы были неискренни, то ихъ политическое искусство разбилось о два обстоятельства: упорство Москвы и стойкость польскаго сейма, не дававшего согласія на подати для московской войны до заключенія уніи. Какъ бы то ни было, но внѣшнія обстоятельства не могли не вліять на увеличеніе среди литовцевъ сторонниковъ уніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1566 году послы окраиннаго воеводства Витебскаго напоминаютъ королю объ уніи⁶⁾, а въ 1567 г. сеймъ снова постановилъ обратиться за помощью къ полякамъ⁷⁾.

Такимъ образомъ можно отмѣтить въ Литвѣ существованіе такой партіи среди средней и низшей шляхты, которая по своимъ политическимъ убѣжденіямъ соотвѣтствовала шляхетско-демократической партіи въ Коронѣ. Нельзя опредѣлить количественнаго значенія этой партіи въ Литвѣ, трудно также сказать, какія причины побуждали ее къ уніи съ Польшей; болѣе или менѣе опредѣленные попытки со

¹⁾ Дневникъ Люблинскаго сейма въ изд. Кояловича.

²⁾ Арх. Сб. Вил. VII, р. 40—44.

³⁾ Ibidem, р. 40.

⁴⁾ Кн. Дѣлъ Публ. Лит. VII (А. М. Ю).

⁵⁾ Bibl. ord. Крас., rok 1868, р. 290—292.

⁶⁾ М. Довнаръ-Запольскій, *ibidem*, т. I, 200.

⁷⁾ Ibidem, р. 460.

стороны Литвы къ уніи сказываются только въ послѣднее пятилѣтіе, когда демократическіе элементы въ коронномъ сеймѣ не такъ уже были сильны, когда сама Литва находится въ совѣмъ особыхъ политическихъ условіяхъ. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ почти полнымъ отсутствіемъ источниковъ, препятствуютъ сдѣлать болѣе точное представленіе о настроеніи литовскихъ партій. Столь же скудны и источники, касающіеся мнѣній партіи литовскихъ магнатовъ, вообще бывшихъ противъ уніи. Въ перепискѣ короля съ канцлеромъ Николаемъ Радивиломъ вопросъ объ уніи поднимался довольно часто, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошли письма, а слѣдовательно и доводы самого Радивила; отвѣты же короля весьма кратки. Между тѣмъ оба Радивилы, воевода виленскій и воевода троцкій, были представителями той партіи, которая стремилась отстоять самостоятельность Литвы. Незадолго до уніи воевода виленскій Николай Радивиль въ письмѣ къ королю весьма рѣзко выражался объ уніи, считая ее неволей, хотя король увѣряетъ канцлера, что унія ведетъ къ свободѣ¹⁾; Радивиль, если и признавалъ унію, то такую, при которой „рука бы руку мыла“, т.-е. союзъ двухъ государствъ²⁾. Такимъ образомъ, литовская знать стояла на почвѣ прежнихъ традицій, съ которыми мы уже знакомы,

Таковъ былъ подготовительный процессъ уніи, увѣнчавшій зданіе, надъ которымъ работала польская политическая мысль съ конца XIV в. Ошибочно было бы искать въ этомъ процессѣ единой причины, заставившей оба народа подписать знаменательный актъ. Вполнѣ понятны желанія поляковъ — они высказывали ихъ многократно и въ официальныхъ актахъ и въ сеймовыхъ рѣчахъ. Но литовцы именно и боялись возможности „втѣленія“ Литвы къ Коронѣ; сопротивляясь полякамъ въ дѣлѣ уніи, нарушая трактаты, они лишь оберегали свой суверенитетъ. Съ половины XVI в. настроеніе партій обоихъ народовъ мѣняется: демократизація шляхты и религиозное единеніе въ духѣ протестантизма становятся идеалами наиболѣе энергичной части дворянства. Обѣ демократическія партіи готовы протянуть другъ другу руки, оставалось выработать только условія единенія.

Трудно сказать, успѣли ли бы шляхетскіе дипломаты покончить съ вопросомъ объ уніи, если бы на востокѣ не появились грозныя тучи. Онѣ сдѣлали поляковъ настойчивѣе, а литовцевъ уступчивѣе. Но надо отдать справедливость послѣднимъ, что они уступали въ очень немногомъ, сравнительно съ аппетитомъ наиболѣе требовательныхъ польскихъ партій: если оставить въ сторонѣ потерю Волыни и Украйны, то надо сказать, что достоинство государства литовскаго было охранено. Въ числѣ факторовъ, способствовавшихъ уніи, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одного: долгое культурное общеніе обоихъ народовъ играло не послѣднюю роль въ дѣлѣ.

Но дѣло уніи приметъ совѣмъ другой оборотъ, если задаться вопросомъ о томъ, было ли необходимо ея заключеніе въ данный моментъ, или же литовцы и король,

¹⁾ Lachoiwcz, Pamiętniki do dz. polskich, 1842, p. 206—207, ср. 218—219, 238—239, 244.

²⁾ Ibidem, 246.

своимъ согласіемъ, заключили актъ, который оправдать не можетъ исторія. Если принять въ расчетъ, что среди татаръ и Москвы Литва дѣйствительно была безъ Польши одинока, если вспомнить о наступавшемъ прекращеніи династіи, то подобнаго политическаго шага нельзя не оправдать: дѣло шло не о потерѣ одной или другой провинціи, самостоятельныхъ титуловъ или государственной печати, а о возможности потери самостоятельности или о такихъ бѣдствіяхъ, которыя могли привести государство на край гибели. Дѣло другое, что послѣдующее время не оправдало ожиданій сторонниковъ уніи: Баторій оправдалъ ближайшія надежды, но предвидѣть отдаленное будущее было не легко. Неполнота практическихъ результатовъ уніи заключается не въ томъ также, что она, по заявленію польскаго историка, не была доведена до конца, т.-е. Литва не присоединена къ Коронѣ вполнѣ и — главное — унія политическая не сразу и не вполнѣ соединилась съ религіозной¹⁾. Но думать такъ — это значитъ закрывать глаза на всѣ темныя стороны послѣдующей исторіи: вѣдь и унія религіозная была выполнена, но она-то и явилась однимъ изъ тѣхъ разрушающихъ элементовъ, которые подточили стройное зданіе польско-католической политики. Нѣтъ, не унію религіозную надо было выдвигать польскимъ политикамъ, а полное равенство религій; не религіозная унія нужна была, а полная терпимость въ религіозномъ, нравственномъ и политическомъ смыслѣ. Въ томъ-то и бѣда, что на Украинѣ и Волыни поляки довели унію до желательной для нихъ полноты, и результаты ихъ дѣятельности не замедлили именно здѣсь отразиться въ возстаніи казаковъ. Если можно, и даже должно, съ политической точки зрѣнія оправдывать унію 1569 года, то религіозное завершеніе ея было несчастной утопій, которая подточила польское государство.

Но если оставить въ сторонѣ послѣдующія событія, если посмотрѣть на почти двухвѣковую работу польской политической мысли, то нельзя не изумляться ея настойчивости.

Русскіе историки, ослѣпленные національными чувствами, не отдають должнаго польской мудрости, когда говорятъ объ уніи; какъ бы ни неприятно было намъ вспоминать о печальномъ прошломъ, но нельзя не воздать должнаго политикамъ, XIV в., задумавшимъ грандіозный политическій планъ, и преемникамъ ихъ, съ такой настойчивостью его проводившимъ. И когда задумываешься о томъ, кому бы изъ поляковъ могла принадлежать въ XIV в. идея уніи, то на мысль поневолѣ приходитъ гигантъ-король Казимиръ Великій: исторія не обладаетъ, къ сожалѣнію, данными, чтобы приписывать эту идею ему, но она такъ достойна великаго короля, что жаль — говоря словами польскаго историка — приписывать ее кому-нибудь другому²⁾.

М. Давнаръ-Запольскій.

¹⁾ Anat. Lewicki, Nieco o unii Litwy z Koroną. Kr. 1893, p. 18—19.

²⁾ Ibidem, p. 25.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

1. Справа Богуша маршалка и писаря господара короля его милости у Вилни, коли ездил панъ воевода подляшский, маршалокъ и секретарь панъ Иванъ Сопѣга до Лифлянтъ в поселстве отъ короля его милости, месеца марта 2 день, индиктъ 2 (1514 г.).

Поселство отъ прелатовъ и пановъ рада великого князства Литовского духовныхъ и светскихъ до прелатовъ и пановъ духовныхъ и светскихъ рады Коруны Польское паномъ Александромъ Ходковичомъ, маршалкомъ, а княземъ Щепаномъ, деканомъ и секретаремъ.

Прелати и панове рада великого князства Литовского вашей милости братьи своей милой прелатомъ и паномъ радамъ Коруны Полское велѣли ся поклонити, братскую приязнь а поздоровене и всего доброго помножене казали вашей милости повѣдти.

Прелати и панове рада великого князства Литовского всказали ку вашей милости братьи своей: Што есмо перво сего ку пану нашему королю его милости и великому князю Жикгимонту, а ку вашей милости братьи нашей посылали братью нашу воеводу полоцкого и старосту билского пана Олбрахта Мартиновича Бгаштовича и маршалка господарского пана Александра Ходкевича и черезъ нихъ усказывали есмо к вашей милости, объявляючи пригуду жалобливую, которая ся намъ в небытности пана нашего короля его милости стала на панство его милости великое князство Литовское, ижъ неприятель его милости великий князь Московский, забывши Бога и вѣры, и чты, и присеги своее, безъ жадное причины неотповедне вторгнулъ в панство его милости великое князство Литовское самъ своею парсуною и зъ братью своею, замки его милости королевского майстату облегъ, мѣста его милости и села попалилъ и крови христьянское не мало пролилъ.

И черезъ тыхъ же пановъ братью нашу всказывали есмо вашей милости, жадаючи, алибы ваша милость, братья наша, бачачи таковую пригуду нашу и навалность на тое панство, намъ были и радни и помощни наппротивно тому неприятелеви королевского майстату.

Прелати и панове казали вашей милости мовити: Ваша милость, братья наша, черезъ тыхжо пановъ братью нашу рачили намъ отповѣдь вчинити: напервей, велико

жалуючи тое пригоды жалобливое, которая жъ ся намъ и панству господаря нашего короля его милости великому князъству Литовскому стала отъ неприятеля его милости великого князя Московского, ижъ ваша милость не мнѣй того жалуете, але такъ, какъ бы, его жъ Боже не дай, въ Коруне пригодило; а к тому естли бы тотъ неприятель королевского майстату не хотель умыслу своего повстягнути, а предся хотиль великое князъство Литовское его милости господаря нашего шкодити и жечи, тогда ваша милость на онъ часъ с королемъ его милостью паномъ нашимъ милостивымъ мѣли ся порозумѣти и радити, яко бы немешканый отпоръ тому ся неприятелеви вчинити. И тежъ въ тыхъ то пригодахъ нашихъ прирекли ваша милость посполу з иншими паны братею своею порозумевши, помочъ намъ вчинити, колко можность ваше милости знести можетъ. И в томъ же отказе припомянули ваша милость на братю свою о стародавныи списы, абы были потвержены и вставены и в певности зражоны межи Коруну Польское и великого князъства Литовского, бо коли ся в томъ большая ласка и милость певнейшая заховаеть, тымъ з обудву сторонъ будетъ оборона пожиточнѣйшая тымъ то обомъ панствамъ.

Прелати и панове рада великаго князъства Литовского казали вашей милости, брати своей, высоце дяковати, ижъ ваша милость тое пригоды ихъ милости жалобливое жалуете немнѣй, але какъ сами своее. А штося дотычетъ помочи ваше милости напротивку тому неприятелеви королевского майстату, якосте ваша милость прирекли, хотячи намъ брати своей помочъ вчинить, где жъ ихъ милость передъ тымъ и тыми часы въ приреченю помочи вашей милости утаена николи не мѣли.

Прелати и панове казали вашей милости повѣдити: какъ же тотъ неприятель королевского майстату умыслу своего не отменяючи самъ своею парсуною со всеми своими войски того лѣта минулого замковъ его милости украинныхъ добываль и не малый часъ подъ тыми замки стояль, хотечи ихъ на голову добыти и панство его милости карячи, какъ же милый Богъ не даль ему хотения — воли его наполнити, ижъ пошолъ отъ тыхъ замковъ господаря нашего короля его милости съ соромотою своею и з великимъ впадомъ и шкодою.

Прелати и панове рада указали вашей милости, напоминаючи и жадаючи вашей милости брати своей милое, ижъ бы ваша милость подле приреченя своего а к тому вбачивши и впомянувши стородавный звычай и приязни, помочи, которую ж Коруне Полской за предковъ королевского майстату и за его милости щасного панованья господаря нашего продкове наши и дяди и братья, не рекучи пенязную помочъ, чинили але сами своими перьсунами немалыи везене терпели, которое жъ помочи Корун, Польская славныи почестности и пожиточное и до того часу естъ одержала, какъ же снатъ и мы тыхъ часовъ минулыхъ завжды у пригодахъ ваше милости были, бымы вашей милости помочи и ваша бы милость брата наша, бачечи нинешнюю нашу потребу, также намъ помочъ безумешканую вчинить мели безъ жадное вымовы, не откладаючи того на инший часъ, какъ же потреба а часъ тому вже вказуетъ; бо вѣдаете ваша милость, брата наша, сами, ижъ панства господаря нашего короля его милости великое князъство естъ ворота всему хрестиянству, Боже того не дай, естли бы ся которая шкода, або впадъ тому панству стала, тогда ся нать ижъ съ труднѣйшимъ

тая помощь вашей милости мяла бы ку пожитку прийти какъ намъ, такъ и вашей милости, братьи нашей. Гдѣ мы ваше милости, брати нашей вѣримъ, ижъ ваша милость намъ в нинешнюю нашу пригуду напередъ маючи взглядъ на майстатъ пана нашего милостивого, короля его милости а к тому на невинного кровопролите а хрестиянское помощь намъ безумешканую а скорую вчините, какъ же мы суполную надѣю маемъ у справедливости Божей, ижъ тотъ неприятель его милости несправедливе ту валку почаль ку большой своей шкоде и виаду, а королевскому майстату, дали Богъ, ку вышшой и доброй славе а ку потешеню всехъ хрестиянскихъ панствъ. А коли ваша милость братя, наша намъ в нинешнюю нашу пригуду будете помощни, мы также тою жъ мѣрою завжды въ часъ пригоды ваше милости хочомъ вашей милости, братьи нашей быти радни и помощни.

Прелати и панове рада казали вашей милости мовити: Штось дотычетъ стародавнихъ списовъ и доброго впевне зраженя тыхъ обоихъ панствъ, о чомъ жо ваша милость и намъ усказывали, ихъ милость, бачечи нынешнии пригоды и валки на тое то панство, ширей того не могли ку вашей милости на тотъ часъ всказати, але коли будетъ того часъ а покой ихъ милость порозумене оземши с княжати и паняты и з землями, которыи суть привлацоны ку панству господаря нашего великому князству Литовскому, хочють за вашою милостью тыхъ записовъ и слушного зраженя вчинити и потвердити, какъ бы было на обе стороне ровно безъ пониженя чти обоихъ панствъ, какъ Коруну Полское, такъ великого князства Литовского.

Отказъ пановъ радъ Коруну Полское посломъ великаго князства Литовскаго пану Александру Хоткевичу, маршалку, а князю Щепану, декану.

Княжи, прелати и панове духовнии и свецкии хвалебного королевства Полского зрозумели зуполне поселство от прелатовъ и от пановъ великого князства Литовского, через вашу милость поведалое, въ которомъ жо вспоминали есте братю нашу пановъ радъ панства оного, многии помочы кролевству Полскому дававши.

Сознавають то панове и прелати оныи Коруну, але тежъ сознавають князству дававши немалыи помощи и многии побитья татарскии, естлибы припоманути слушно было посполитымъ войскомъ Коруну и Князства пригожалося и поражены суть татарове въ князстве Литовскомъ, какъ же то передъ двама лѣты з Божье ласки в ономъ князствѣ пригодилося поразити, ку которому дѣлу люди шли с Коруну до панства Великого князства Литовского и тежъ преминулыхъ часовъ противку Московскому, како же вчинили мзенѣ? малою рѣчью Коруну.

А што тежъ въ поселстве вашомъ о едности с Короною толко бы князство от нинешнихъ трудностей и потребъ своихъ отпочинуло бы и жебы добрыми обычаими и безъ легкости обоихъ панствъ докончало бы ся, то заисто немнѣ пожиточно бы было такъ князству Литовскому какъ и Корони, бо через тое розлучене панове литовскии смѣльшихъ неприятелей чынять напротивку собѣ и напротивку насъ.

Въ надѣю тежъ братское милости панове ради Коруну Полское такъ отповѣдаютъ на поселство ваше: то напервей прикладаючи, иже коли бы слушная едность панствъ

тыхъ отъ неприятелей узнана была, заисте такъ мощныхъ силъ злучоныхъ мусили бы ся бояти.

Тежъ панове рада Коруны, убачивши на нинешний часъ тую потребу панствъ великого князьства Литовского, которую жъ впомянули есте въ поселстве вашомъ, приняли на сесь годъ много людей болше тежъ еще, нижли потреба нинейшая Коруны изъ причинъ доводныхъ зъ ласки Божое потребуеть, приймутъ, которымъ людемъ май-стать королевский, гетманы и ротмистры маеть дати и онымъ расказовати.

Хотять тежъ панове рада Коруны дати то на волю королю его милости и жебы его милость людами тыми, посполитыми пѣнзями зъеднаными изъ Коруны, ачъ колве для толко обороны съ Коруны приняты суть и пѣнзяи имъ розданы и дѣла, потребности Коруны были розобраны ку потребе обоюхъ тыхъ панствъ, гдѣ бы болшое шкоды было, тамъ тыми людами поживити и тежъ людей тую шкоду боронити обернути рачиль бы его милость не инакъ люди тыи, какъ бы пѣнзяи королевскими бы были изеднаны або наняты.

А коли бы маестать, его Боже вховай, некакою великою и квалтовною потребою тамъ бы былъ утисканъ, многии пановъ рады и рыцтерства Коруны обещалися королю его милости властными своими парсунами помочы а вашимъ милостямъ немнѣ оферуются ко всей доброй воли чинити и указывати подлугъ своее на васъ братской милости, какъ брати и приятелемъ своимъ намилейшимъ, которыхъ ся жадають велми залецоныхъ быти.

(М. А. М. Ю. Метр. Лит. Зап. Кн. VII, лл. 254—258 об.).

2. *Responsum nomine totius senatus ac nobilitatis ducatus Lituaniae super unione et conventionione in limitibus faciendum. Vilna 1551, decembre mense.*

Nayasnyeyszy mylosciwy kroliu! Jako wascha krolewska mosc, nasch miŃcziwi pan, raczil yesth panom radam szwym ych moŃciom panstwa thego wielkiego xiastwa oznaymecz y opowiedzycz przes iego mocz pana podkanczlierzego korunnego y czaszu w thym z lasky szwey ych mocz na rozmyslieny y odpowiedzenye uziczicz okolo złączenya y wezielienya tego panystwa waszey krolewskiej mosci oiczistego wielkiego xiastwa s koroną polską, okolo czego yussz tho po dwa szeymy przesle korunne napomynali są v. k. m. naschego m. pana panowye rada ich m. y wszitky yne stany koronne, wedlia nijakych spyssov starich szwyęthey pamyęczy przodkow waszey k. m. y thesz przodkow panow rad ych m. y ynich stanow dziszeiszych panistwa tego.

A yz bi ta rzecz ku skutku szwemu dostatecznemu przisla proszili są za to, abi wascha k. m. raczil dlia tego zlozicz kadi przy graniczach syem na ktorich bi panowye radi ich mocz y yne stany oboygа tich panystw spolnye sie ziechaly, a thym spiszm dawnim na wszitkyem execucyą uczynyli za potrzebą obroni spolney a zwlascza od turka, ktori yusz tak sie blisko pod panystwa waschey k. mosczy podszadzyl y polia opanowal.

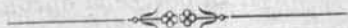
A czo sie dothicze they obroni, kotoz yesth ych m. panom polakom stroni panistwa thego na szeymye przeslem Brzeskiem postapiona y oznaymiona, ze ich moscz na thim przestawacz nieraczą.

Naiasznieyschi milosciwy kroliu! Panowie radi ich moscz znayacz to roskazanye ich mosciów panow korunnich bicz o wielką a wazną rzecz, kotoz nye iedno radam a zdanyu ych m. szamych, abi thosz y wszemu ynemu riczersthwu a stanom panistwa thego naliezi za laską a wolią waszey k. m. opowiedzieli są thę tho rzecz y wszemu riczersthwu, na them dzisieiszem szeymye zebranemu, mlodszy braczy szwey y szamy są okolo tego pylną namowę y radę czynili. Liecz jako ze wszich ynich stanow riczerskich tho wyrozumeli, tak thesz y w szwey radzie, nycz są ynego ich m. nienalezli, ieno tho, ysz w they myerzi tha vina jako ich m. panowie korunny chezą myecz bicz nye moze z wielia przyczyn: y dla oszobliwey dostoinoszy y wolnoszy panistwa thego waszei k. mosczy oicziznego, czego ich m. iako wierna rada waszey k. m. wedlia powynnoszy y przysyag szwoych y zachowanya szwich przodkow, wynny są przistezigacz, yakosz mayą ich m. zupelną wiarę y nadzieię w them o w. k. mosczy panye szwim m., ysz wascha k. m. w thym panistwie szwym jako oicziznem bądzie raczil korziszcz y zachowacz ye w theyze dostoinoszy, wolnoszyach, czaloszcy, iako ye v. k. moscz wziacz raczil z rękü swięthey a nyeszmyerthelney pamyęczy oycza szwego naszego m. pana y thesz wedlia przisiągi szwey, ktorasz w. k. m. pierwey themu tho panystwu szwemu oicziznemu obowiazacz sie raczil. Nyzli kiedi korunye Polskiei okolo czego y stau riczersky a bracza ich m. mlodsza, prozbi y wolią szwą w they tho rzeczy waszei k. mosczy s stroni szwey oszobliwey oblycznye opowiedzą.

Thesz czo sie dothicze obrony spolney, obacziwayacz ich m. wielie ynich wlasznich potrzeb y dolięgliwoszy panistwa thego, y po then czas ynszey obrony panom poliakom braczy szwey postapicz nyemogą, iedno taką yaka yesth uchwalona y ich m. oznaymyona y postapiona, yesze za dobrego zdrowya y szesliwego panowanya oicza w. k. mosczy na szeymye w Brzeszyu przeciwno cheszarzowi Tureczkiemu y mayą ich moscz thę wyarę o panyech polaczach ich m. brachei szwey, ze ich moscz, dali Bog, bądą thego po nych wdziaczny.

A gdisz panowie radi ich m. y wszitko ine riczerstwo wyerny poddany waszey k. m. potrebi szwe y panistwa thego, jako okolo obrony, tak okolo ynich potrzeb szwich ziemskich, yusz są therasz thu Wynye na them dzisieiszem szeymye z waszą k. m. panem szwym m. namowyli y postanowyli, thedi ich m. ynich yusz zadnich szeymow any zyezdzana przy granyczach z ich m. pany korunnemy bracją szwą nyepotrzebuyą, any na tho przyzwaliayą, y mayą thę wyarę o waszei k. m. panye szwim m., ysz v. k. m. thich częstich przeiezdzek y niepotrzebnich nakladow na thakowe szeymy ziczcz yem poddanem szwem nye bądzie raczil.

(M. Арх. М. Им. Д. Кор. Мерп., Кн. 14, лл. 95—96 об.)

80000000 142390